

АНДРЕЙ ЗВОНКОВ • ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

НЕ ВРЕМЯ УМИРАТЬ

МЕДИЦИНСКИЙ ТРИЛЛЕР

ФАКТОР РИСКА

Фактор риска. Медицинский триллер

Дмитрий Янковский

Не время умирать

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Янковский Д. В.

Не время умирать / Д. В. Янковский — «Эксмо»,
2017 — (Фактор риска. Медицинский триллер)

ISBN 978-5-699-99244-7

Чума, опустошавшая в Средневековье города и страны, пришла в Москву. Как оказалась здесь смертоносная инфекция? Возможно, это диверсия? Молодой врач Наталья Евдокимова и аналитик ФСБ Олег Пичугин пытаются распутать этот клубок и спасти мегаполис. А чума уже шагает по улицам, и в опасности оказывается каждый.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99244-7

© Янковский Д. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Звонков

Не время умирать

© Звонков А., Янковский Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Посвящаем нашим родителям, тем, кто с нами, и тем, кого с нами
нет.*

Пролог

Июльская ночь накрыла бескрайнюю казахскую степь, словно перевернутым закопченным казаном. Тонкая кисея облаков заслоняла звезды, делая тьму временами и вовсе непроницаемой, но в облачной дымке прятался тонкий серп стареющей луны. Воздух под этим куполом, в полном безветрии, казался душным и вязким, его густо наполнял аромат ковыля, полыни и пряных летних трав, поднимавшийся от перегретой земли. Казалось, что небесная твердь даже гудит, едва слышно, подобно котлу, над которым дуют звездные ветры Вселенной. На самом деле степь наполняли ночные звуки. Звенели цикады, шуршали еле слышно змеи и ящерицы, издавали свист и шелкающие звуки полевки, суслики и тушканчики. Светлячки, будто пытаясь заменить скрытые за облаками звезды, загадочно мерцали в зарослях.

Для большого тушканчика, осторожно выбравшегося из норы, света луны вполне хватало, ведь миллионы лет эволюции научили его предков безошибочно ориентироваться в ночной степи. А когда зрение не справлялось с определением источника возможной опасности, помогал слух. Зверек приподнялся на длинные задние лапы, принюхался и прислушался, поводя огромными ушами. Глаза его всматривались, отмечая привычную картину, как тянутся слева распаханное поле, покрытые волнами пшеницы, овса, проса, а справа полоса степи сменялась лесистой низиной, в которой за густым кустарником пряталось длинное соленое озеро. Но что-то встревожило ушастого зверька, словно воображаемый гул небесного котла стал для него чем-то вполне реальным.

И вот физический гул действительно донесся с юга – по шоссе на приличной скорости мчался автомобиль, толкая перед собой звук старого мотора, а позади оставляя вонь выхлопных газов. Над дорогой показался свет фар, отбрасывая подвижные тени от травы и клубящейся мошкеры. Зверек в страхе застыл, а потом, на всякий случай, прижался к остывающей земле пушистым брюшком. Но волновался он зря – страшная машина-зверь без остановки промчалась мимо, оставив в ночном воздухе оседающую пыль, запах разогретой резины и бензинового угара. Тушканчик снова осторожно приподнял голову и почесал укушенный блохой бок. Блох в этом году развелось особенно много. Это тушканчика заботило куда больше, чем промчавшийся автомобиль.

Парень, сидящий за рулем старого «жигуленка» четвертой модели, выкрашенного в цвет спелого баклажана, выжимал из плохо отрегулированного мотора все возможное. И хотя способен он был уже не на многое, стрелка спидометра все равно уверенно держалась возле отметки сто десять километров в час. Номера на машине висели здешние, да и внешность парня выдавала в нем сына степей. Из динамиков радиоприемника лилась музыка, причем композитор, ее сочинивший, тоже был вдохновлен местным колоритом – звуки домбры и кабыза переплетались с современными европейскими ритмами. Парень за рулем негромко подпевал солисту по-казахски, отсветы индикаторов на приборной панели контрастно высвечивали его миловидное лицо с раскосыми, но крупными глазами. Черные прямые волосы были стянуты в тугий длинный хвост. Нефритовые четки из тридцати трех бусин оплетали его левое запястье.

Затем начался выпуск новостей, парень наклонился к приемнику, сменить волну, отвлекшись от дороги всего на миг, но и этого оказалось достаточно – из полосы кустарника вырвалась похожая на дракона тень и метнулась к шоссе. Водитель заметил ее слишком поздно, только успел снять ногу с педали акселератора и судорожно надавить на тормоз. Но для остановки этого уже не хватило. Выжать сцепление парень забыл, поэтому движок хрюкнул и заглох, машину понесло по пыльной дороге юзом, скорость падала, но недостаточно быстро. Водитель попытался удержать ее на трассе, поворачивая руль, но это не помогло. Через мгновение произошел сильный толчок, автомобиль словно налетел на упругую стену, которая приняла удар, а потом что-то тяжелое, но мягкое навалилось на капот, сминая его. От страха парень инстинк-

тивно закрыл глаза. Если бы не ремень безопасности, он непременно ударился бы грудью о руль, а так лишь голова резко качнулась вперед, неприятно потянув мышцу на шее.

Машины от удара закрутило, водитель растерялся, и вместо того, чтобы отпустить тормоз, сильнее нажал на него. Из-под заблокированных колес в воздух взмыли клубы пыли и дыма, машина, окончательно предоставленная воле действующих на нее сил, все-таки сорвалась в степь и лишь там остановилась, выломав в кустарнике брешь. Не перевернулась она только чудом.

Водитель отстегнул ремень и, перемежая казахские ругательства с русскими, выбрался из машины. Был он худым, даже тощим, высоким и очень молодым. На вид ему и двадцати не исполнилось. Чуть прихрамывая на левую ногу, он обогнул машину, изучая повреждения. Из-под смятого капота, наскочившего краем на треснувшее лобовое стекло, выбивался пар, правая фара погасла, лобовое стекло было густо забрызгано кровью и желтоватыми фрагментами мозга. Но водителя это не испугало, он прекрасно понимал, что сбил все-таки не человека, а какое-то животное, и вероятнее всего, потерявшегося верблюда, сбежавшего с одной из ферм. Мелькнула мысль: «В Эмиратах за сбитого верблюда смертная казнь. Хорошо, что я не в Эмиратах».

Так и было, сбитое животное оказалось старым двугорбым верблюдом. Ударом тушу откинуло на обочину, и в темноте ее почти не было видно. Приглядевшись, парень заметил, что от головы животного ничего не осталось. Видимо, перед самым ударом верблюд споткнулся, или наклонился, или даже упал передними коленями на асфальт, отчего удар бампером пришелся именно в череп и шею. А может быть, верблюд уже был слеп и шел, ощупывая мягкими губами остывающую землю, изредка скусывая зеленую поросль. Из разорванных артерий на дорогу выплескивалась вялыми толчками последняя кровь, мосластые ноги еще дергались и скребли мозолистыми ступнями по песчаному грунту.

Водитель задумался, вернулся в машину. К счастью, мотор оказался не поврежден и завелся. Под смятым капотом загремело и забулькало, но движок не глох, и это обнадеживало. Покопавшись в бардачке, парень вынул китайский налобный фонарь. Там же нашлась запасная лампа для фары, но водитель сунул ее обратно, затем, не без труда, с удара, открыл багажник и достал моток толстой веревки, использовавшейся как буксировочный трос. Убедившись, что есть чем оттащить тушу с дороги, водитель сдал задом, подогнав машину поближе к верблуду. Осторожно, чтобы не измазать одежду кровью, привязал к ноге животного веревку «коровьим узлом», другой конец привязал к буксировочной проушине под бампером. Со второй попытки ему удалось проехать через пробитую в кустарнике брешь и затащить следом тушу, а чтобы ее не было видно с дороги, парень уперся и скатил труп верблюда в небольшую ложбинку. Отвязав веревку только от бампера и бросив ее, он вернулся за руль и снова выехал на шоссе. Там он достал из багажника пятилитровую бутылку воды и плеснул на лобовое стекло, чтобы очистить его от крови и жира. Потом включил «дворники», они довели стекло до прозрачности. Когда уже тронулся с места, понял, что потерял четки, их не было на запястье. Но возвращаться и бродить в темноте, пытаясь их отыскать, не имело смысла. Мелькнула мысль, – плохая примета. Но что поделаешь?

Вскоре стало очевидно, что от удара сильно поврежден радиатор – стрелка температуры двигателя неуклонно ползла вверх. Чтобы усилить охлаждение, парень включил печку и отворил окно, морщась от вторгшегося в салон запаха пригоревшей крови. Он обнаружил, что руки, лицо и одежда в мелких кровавых брызгах. Пришлось остановиться и умыться, а остатки воды из бутылки вылить в радиатор. Печка продолжала работать, загоняя в салон, вместе с вонью тосола и крови, кисею пара. Вылетая в окно, он конденсировался, образуя в остывающем степном воздухе шлейф, как за паровозом.

Через полчаса в свете фар мелькнул синий дорожный указатель «Кенсахара-20». Парень заметно повеселел и поддал газку, уже не обращая внимания на показания температуры. Но

не прошло и получаса, как мотор начал постукивать. Стало ясно, что долго ему не протянуть. Не дожидаясь, пока двигатель заклинит, парень свернул с дороги, загнал машину в глубокую балку, некогда промытую водами древней реки, взял с заднего сиденья дорожную сумку, при помощи молотка и отвертки пробил бензобак в двух местах, вымочил в струях ветошь, поджег импровизированный фитиль и, отойдя подальше, кинул его в лужу выливающегося бензина.

Машина вспыхнула, а полупустой бак, в котором скопилась смесь топливных паров и воздуха, ухнул гулким взрывом, выбив в черное небо огненно-дымный столб. Парень не рискнул идти ночью через степь, изрытую норками сусликов и байбаков, там недолго и ноги переломать. Он вернулся на трассу и, подсвечивая путь налобным фонарем, как фарой, зашагал по остывающему асфальту на север. Опасаться надо было змей, выползающих на дорогу, чтобы погреться, но это уже ближе к утру. Какое-то время огонь пылающей машины освещал ему путь, но постепенно на степь вновь опустилась непроницаемая тьма.

Глава 1

В которой полковник Бражников собирается играть в космический бильярд, а дембель Еремееenko дрессирует бандерлогов и отказывается помочь полковнику.

В черноте космоса, на фоне безмятежно голубого земного диска, расписанного спиралями облаков, двигался по орбите старый советский спутник-шпион. Он давно отработал свое, а потому слепо таращился в бездну Вселенной помутневшими от космических излучений линзами объективов. Солнце, бьющее подобно театральному прожектору из глубины темной сцены, играло бликами на когда-то зеркальных, а теперь потемневших боках, равномерно прогревая обшивку по мере неспешного хаотичного вращения аппарата. Спутник давно уже стал космическим мусором, ожидающим неизбежной участи – постепенного схождения с орбиты и сгорания в плотных слоях атмосферы. Полным оно будет или частичным, предугадать было сложно. Как это уже случалось со старыми аппаратами серии «Космос», то в Канаду залетят обломки, то в Мексику, то над Новой Зеландией пронесутся огненным дождем. Впрочем, этот патриарх космической разведки мог бы кружить над планетой еще несколько лет.

Но внезапно, словно ударила молния, – короткая яркая вспышка сверкнула на гладкой обшивке спутника. Тот дернулся едва заметно, выбросив в окружающую пустоту струю испаренного металла, а на месте сполоха образовалась в обшивке заметная лунка. В ее центре медленно остывал добела раскаленный металл. Получив импульс, аппарат прекратил хаотичное вращение по одной из осей, заняв определенное положение относительно орбиты.

– Есть попадание! – доложил оператор, сидящий за монитором в бункере, входящем в российскую систему слежения за объектами ближнего космоса. – Цель стабилизирована по основной орбитальной оси.

– Симуляцию движения на мой монитор! – приказал полковник Бражников, руководивший экспериментальным проектом.

– Параметры луча в пределах нормы, – добавил оператор, в чьи обязанности входило контролировать энергетику и длительность импульса мощного неодимового¹ лазера, предназначенного для дистанционного изменения траекторий движения неуправляемых орбитальных объектов вроде старых спутников и другого космического мусора.

Сама идея такого воздействия была не нова, и технологии для ее воплощения в жизнь имелись еще в восьмидесятих годах, но технически довести до ума весь комплекс оказалось сложнее, чем это выглядело в теории. Поначалу задача состояла лишь в поиске способа расчистить околоземное пространство от потенциально опасных объектов. Это само по себе уже могло иметь немалую практическую пользу, но в процессе проработки практической стороны вопроса выявились дополнительные аспекты, способные иметь военное применение. Тут-то к проекту и подключили подполковника Бражникова – талантливого инженера и программиста, которому удалось не только алгоритмизировать процесс, но и собрать воедино технические и программные решения. В результате появилось то, что сотрудники группы Бражникова и высшее руководство именовали кодовым названием «Американка». А на погонах Бражника появилась еще одна звезда.

По сути, «Американка» представляла собой способ сбивать вражеские орбитальные системы любой массы и сложности вообще без применения ракет. В одном из своих первых отчетов полковник Бражников писал, что для уничтожения вражеских спутников нет ни

¹ Неодим – металл из группы лантаноидов, в виде солей добавлен в расплав, из которого выращивают специальные кристаллы для сверхмощных инфракрасных лазеров, применяемых, в частности, для получения высокотемпературной плазмы.

малейшей необходимости запускать что-то в космос, поскольку там и без того находится масса потенциально опасных объектов, которые чудом не сталкиваются ни с чем.

Конечно, никакого чуда в отсутствии столкновений не было, просто орбиты спутников рассчитывались таким образом, чтобы космический мусор им не грозил. Множество станций слежения, и российских, и американских, постоянно наблюдали за ближним космосом, зорко высматривая угрозу и высчитывая орбиты опасных тел. В случае внезапных изменений ситуации всегда оставалось время на коррекцию орбиты действующего спутника или космической станции. Проблема, конечно, существовала, но пока еще ближний космос не был захламлен до такой степени, чтобы не успеть среагировать, а потому столкновений удавалось избежать.

Полковник Бражников, придумывая новый вид космического оружия, исходил из того, что если воздействие на космический мусор сделать внезапным, трудно предсказуемым, а главное – мощным, круто меняющим траекторию объекта, противнику не хватит времени на коррекцию орбиты атакованного аппарата. Вот только произвести такое воздействие было непросто. Конечно, ракетный удар точно бы решил проблему, но именно он не годился по ряду причин. Главная из них – заметность ракетного пуска и предсказуемость снаряда на активном участке траектории. Эта причина являлась столь веской, что другие, такие как дороговизна запуска и относительно длительная подготовка к нему, можно было уже не рассматривать.

Поэтому полковник с самого начала думал о возможности применения мощного лазерного луча для изменения орбит уже имеющихся космических обломков. Тогда они, подобно снаряду, могли попасть во вражеский спутник на огромной скорости и полностью разрушить его за счет кинетической энергии.

Правда, и на этом пути возникли сложности. Беда состояла в том, что мощности современных лазеров, может, и хватило бы на придание обломку достаточного импульса, но в этом случае от самого обломка мало что осталось бы. Его бы почти полностью испарило, и он перестал бы представлять серьезную угрозу для вражеских космических аппаратов.

При использовании менее мощных лазеров снижалась степень их воздействия на объект. С одной стороны, хорошо – обломок не испарялся. Но с другой – толку от слабого импульса было мало – параметры орбиты менялись едва заметно. Но полковник Бражников сумел найти выход из столь противоречивой ситуации. Так и родился сначала проект «карамболь», а затем и «Американка», суть которой можно было сравнить с сутью рычага, выраженной в простой формуле – проигрываем во времени, выигрываем в силе воздействия.

Бражников предложил облучать обломок космического мусора относительно слабым лазером инфракрасного спектра. Удачное, точно рассчитанное попадание с Земли превратило бы в плазму и металлический пар лишь небольшую часть массы объекта, что при этом создало бы кратковременную реактивную тягу и придало бы телу незначительный импульс движения в нужную сторону. Орбита обломка изменилась бы, хотя и весьма незначительно. Казалось бы, какой от этого толк, если противник неизбежно отследит медленное изменение орбитальных параметров и произведет маневр уклонения? Но в том и дело, что принимать меры, тратить топливо стали бы лишь в случае прямой угрозы. Тогда как полковник Бражников не собирался ее устраивать.

В разработанной им схеме отклоненный обломок являлся лишь первым звеном цепи, а целью становился не вражеский спутник, а другой обломок космического мусора. Попадая в него на строго расчетной скорости, первый обломок, за счет значительной массы, придавал бы второму мощный кинетический импульс. Такой удар изменял траектории обоих фрагментов. Первый ушел бы к Земле или в открытый космос, а второй предназначался для непосредственного поражения вражеского спутника. Причем при столь резком изменении орбиты обломка-снаряда противник уже гарантированно не успевал ни отклонить свой спутник, ни заметить, чем, кем и откуда наносился удар.

Но все это идеально выглядело только в теории – эдакий космический бильярд. На практике же, как и в обычном бильярде, подобная внезапная атака требовала длительного наблюдения, детального выбора «шаров» для такой «игры» и очень точного подбора параметров лазерного луча – удара кием в нужную точку и с тщательно рассчитанной силой.

Необходимость постоянного контроля околоземного пространства предопределила выбор места для развертывания лаборатории полковника Бражникова. По мнению высшего руководства, задачам лучше всего соответствовал секретный бункер, входивший в систему слежения ВКС РФ. Располагался он в ближнем Подмосковье и входил в число объектов московского противоядерного щита. В изобилии военных частей и замаскированных подземных сооружений спрятать лабораторию Бражникова оказалось делом не сложным.

К бункеру сходились все данные от систем обнаружения околоземных объектов, а сам он был напичкан специальной вычислительной аппаратурой, предназначенной для проведения орбитальных расчетов. Кроме того, линии передачи шифрованных данных связывали бункер с несколькими наземными базами, расположенными высоко в горах. Там стояли мощные инфракрасные неодимовые лазеры. По команде из бункера они могли придать космическому обломку необходимый, строго заданный кинетический импульс.

На начальном этапе разработки «Американки» лаборатория Бражникова располагалась в его родном институте, и управление наземными лазерами осуществлялось оттуда же. Но это не позволяло достаточно оперативно получать особо секретные данные с радаров системы слежения. Кроме того, в случае реального боевого применения вычислительный и командный центры системы должны были иметь хорошую, в том числе и противоядерную, защищенность, которую не могла обеспечить институтская лаборатория. Эти причины привели к окончательному решению перенести центр управления «Американкой» в бункер, что и было проделано в несколько этапов, дабы не прерывать полностью ход экспериментов. Сначала перевели вычислительную часть, решив передавать в институт не весь массив строго секретных данных с радаров, а лишь небесные координаты конкретных обломков и старых спутников, которые секретными не являлись. Затем, окончательно локализовав систему, перенесли в бункер органы управления лазерами, а самому Бражникову выдали необходимый допуск секретности. Когда нужно было составить очередную подробную карту расположения потенциально пригодных для «игры» объектов, Бражников передавал данные параметров в бункер специалистам по слежению, а лазерами управлял из лаборатории в институте, довольствуясь старыми, не секретными, координатами с предыдущих карт.

Обычно же работа по программе Бражникова происходила в два этапа. В первый день бункер занимала первая смена, в задачу которой входил анализ карт, составленных специалистами по слежению, а также выявление потенциально пригодных для эксперимента объектов в околоземном пространстве. Один из выбранных объектов назначался мишенью, а несколько других выполняли функцию «шаров» в «американке». Роль кия всегда отводилась пущенному с земли лазерному лучу.

В самых первых удачных экспериментах фигурировала только одна мишень и два обломка в качестве «бильярдных шаров». Но успехи на этом пути побудили Бражникова усложнить схему, включить в нее большее количество элементов. Это могло значительно расширить возможности «Американки». Увеличивая число взаимодействующих объектов и лазеров, Бражников решал важную задачу, он мог как бы дотянуться до тех вражеских спутников, которые невозможно было поразить меньшим числом соударений. Конечно, это требовало куда более сложных расчетов, но чем сложнее была вычислительная задача, тем больший интерес она представляла для Бражникова. В эту смену он планировал поразить целые две мишени, а потому задействовал рекордное число взаимодействующих объектов. На экранах компьютеров эти мишени отображались красным цветом, а «прицельные шары» – желтым. Высшая задача игры на этом космическом бильярде – одному «прицельному шару» уйти в нужном направле-

нии, заранее смоделировав координаты цели, разместив контрольную точку, тогда как второй непременно должен уйти «в лузу», то есть – сгореть в плотных слоях атмосферы Земли. Битки же почти всегда разрушались полностью.

Заступив на смену в девять утра, он сразу взялся за необходимые расчеты, передавая данные операторам своей группы. Их было одиннадцать человек. Десять из них контролировали по два объекта, а одиннадцатый занимался работой наземных излучателей. Военнослужащих срочной службы среди них не было, только контрактники, поскольку характер получаемых ими данных предполагал высокий уровень допуска к секретности. Его невозможно было доверить мальчишкам, которые через несколько месяцев вернутся к гражданской жизни.

Но совсем без срочников в бункере тоже было не обойтись – отделение механиков нескольких военно-учетных специальностей обеспечивало работу систем охлаждения, вентиляции и электроснабжения. В их задачу входило не только и не столько пассивное наблюдение за режимами работы отлаженной автоматики, но и постоянный контроль агрегатов на быстро меняющихся и пиковых режимах нагрузки.

Столь ответственное дело требовало относительно длительного обучения, что несколько раз уже давало о себе знать. Нерасторопность солдат-срочников во время проведения серий экспериментов выводила Бражникова из себя, поскольку грозила срывом работы с последующими длительными и сложными пересчетами параметров орбит. Поэтому техников полковник отбирал в свою команду лично, отдавая предпочтение бойцам, имеющим опыт соответствующей специальности на гражданке, сообразительным и мотивированным. К сожалению, даже с такими не всегда и не все проходило гладко, потому что призыв на один год мало способствовал достаточной степени овладения навыками обращения со сложной техникой. Время от времени солдат и сержантов Бражников проверял лично, неожиданно для них вторгаясь в технические помещения бункера, и там, с матерком, с задором, раздавал люлей нерадивым механикам.

Особенно сложно было с молодыми призывниками, которые и на гражданке не успели получить должного опыта, и на месте службы еще не освоились. И хотя полковник Бражников не приветствовал неуставные взаимоотношения среди личного состава, но вынужден был признать, что живая передача опыта от старослужащих к молодым являлась наиболее эффективной в плане практического обучения. Уж точно эффективнее, чем зубрежка конспектов, исписанных в учебных классах.

Лидером на этом, весьма специфичном, фронте педагогической науки Бражников считал дембеля Еремееенко. Тот, не жалея живота своего, подготовил уже три поколения специалистов по вентиляции и кондиционированию воздуха в замкнутых системах бункера. Причем «не жалея живота своего» следовало понимать в буквальном смысле, поскольку дембель Еремееенко разработал уникальную систему муштры, где в качестве отрицательного подкрепления использовался не дружеский пинок и не крепкое слово в адрес боевого товарища, а система пищевых штрафов. Если кто-то из молодых бойцов тупил или косячил на вахте, дембель Еремееенко облагал его пищевой подачей, заставлял мчаться в гарнизонный солдатский буфет и тащить оттуда банки с томатным соком, сочники с творогом, печенье, сметану и прочие вкусности, доступные исключительно за наличный расчет. Сам Еремееенко называл подать куда более политкорректным словом «вкусняшка», и поглощал он эти вкусняшки с таким азартом и в таких количествах, что молодые бойцы за глаза его звали Питоном, а он, прознав, стал без затей называть молодняк бандерлогами. Калорийные вкусняшки никак не отражались на тощей комплекции старшего сержанта, ибо все сгорало в его утробе, как в паровозной топке, но, к счастью, уходило не в пар, а в эффективную педагогику. Поэтому прозвище «Питон» к длинному и гибкому дембелю подходило идеально.

Стабилизировав спутник-мишень, полковник Бражников покинул операторский зал и отправился проверить вотчину механиков. Серия экспериментов предстояла насыщенная, и он не хотел ее срывать по причине выхода из строя систем охлаждения серверов или из-за сра-

батывания электрических нагрузочных автоматов, если кто-то из «бандерлогов» вовремя не включит резервную цепь.

Где находится страшный сержант Еремееenko, понять было несложно по его мощному командному баритону, доносившемуся с площадки главного бассейна системы кондиционирования воздуха. Из него же вода поступала на градирни охлаждения серверного зала.

– Слышите ли вы меня, о бандерлоги? – вкрадчиво спрашивал Еремееenko, раскачиваясь как маятник.

– Так точно, товарищ старший сержант! – дружно отвечали молодые механики, не читавшие Киплинга и не видевшие мультфильма о Маугли.

– Кто из вас, бандерлоги, умудрился сломать драгоценный предохранитель силового автомата?

– Я сломал, товарищ сержант! – уныло ответил голос молодого механика.

– Как же ты умудрился это сделать, о корявейший из бандерлогов?

– Он всей жопой на него сел! – Кто-то прыснул смехом.

Остальные дружно заржали.

– Хорошо, я предполагал это. Ибо нежное керамическое тело предохранителя не могло выдержать тяжести такого неуважительного обращения! А кто мне скажет, бандерлоги, чем в трудную минуту можно заменить драгоценный предохранитель силового автомата? – поинтересовался сержант Еремееenko.

Молодые начали наперебой блистать познаниями в марках проводов и в их сечениях, а также описывать технологию создания надежного и вместе с тем безопасного жучка, способного заменить штатный предохранитель.

Заметив вошедшего полковника, кто-то из молодых крикнул: «Смирно!»

Все, кроме дембеля, вытянулись по струнке вдоль границы технического резервуара с водой.

– Вольно! – скомандовал Бражников. – Еремееenko, со мной, остальным готовить технику. Сегодня будет трудный день.

– Запорете серию товарищу полковнику, побежите ему самому вкусняшки покупать. Только уже не из солдатского буфета, – пригрозил Еремееenko и, вспомнив фильм «ДМБ», добавил: – Это вам не это!

Солдаты разошлись, а полковник с сержантом перебрались в старый планшетный зал, заброшенный в конце девяностых годов за ненадобностью. Бражников выглядел старше своих сорока четырех, гигантского роста, с седеющими висками и густыми брежневскими бровями на круглом лице. Под массивными надбровными дугами прятались колючие серые глаза, «вынимающие душу», как метко определил один из операторов. Голос у полковника тоже был командирский, металлический баритон, с оттенками легированной стали. Команды его слышны были в любом зале и отсеке огромного подземного бункера. И вот они с тощим дембелем уединились – пошептаться – в пустующий планшетный зал.

Помещение было разделено надвое прозрачной стеной из акрила, на которой виднелось выгравированное изображение географической карты центральной части России. Когда еще не было продвинутых мониторов, на которых офицер, принимающий решения, мог бы видеть любую нужную ему информацию, эта прозрачная стена, называемая планшетом, была необходима. Собственно, она и заменяла монитор.

Радисты, по одну сторону планшета, получали данные с радарных станций телеграфным методом, в виде планарных или полярных координат, а солдаты-планшетисты специальными карандашами отмечали на карте проекции целей, их траектории, параметры скорости и высоты. По другую сторону от планшета сидели офицеры, принимающие оперативные решения. Демонтировать зал не стали, даже мебель оставили. Может, на всякий случай, может, просто время и силы никто не хотел тратить попусту.

– Что-то вы неважно выглядите, товарищ полковник, – произнес Еремееenko, оседлав один из стульев в комнате радистов.

– Ночка выдалась непростая, – пробурчал Бражников и присел на край стола. – Брата жены встречал. Принесла его нелегкая на ночь глядя. Посидели чутка. Ладно, это все не важно. Ты с молодыми закончил, как обещал? Справятся без тебя?

– Да, их сколько ни учи, умнее, конечно, не станут, – невесело фыркнув, ответил Еремееenko. – Бандерлоги они и есть бандерлоги. Но рубильник от причинного места отличают, это я вам гарантирую. Хотя один сегодня умудрился предохранитель жопой раздавить.

– Ты себя молодым вспомни, – отмахнулся Бражников. – Зачеты, вводные, практику сдали?

– Куда они денутся? Сдали, конечно. Ребята расторопные, не дебилы, а остальное – дело опыта и навыка.

– Может быть, останешься еще на сутки? – напрямую спросил Бражников. – Сегодня очень важный день.

– Да вы что, товарищ полковник? – Дембель покачал головой. – Я и так на сутки больше нашего уговора остался!

– Так ты за это и получаешь по тысяче в сутки!

– Нет. Не могу. Вот здесь у меня уже вся эта армия. – Еремееenko выразительно провел пальцем по горлу. – Домой хочу. В гражданке погулять, девчонок потискать! Удава выгулять надо, товарищ полковник.

Бражников не сразу понял, о каком удаве ведет речь дембель, а когда понял – хохотал до слез.

– Не горячись, сержант, – отсмеявшись, продолжил он. – Говорю же, сегодня день особый. Важная серия экспериментов. Сервера будут нагружены по самую маковку. Если молодые прошляпят что-то и система охлаждения не справится с нагрузкой, мне заново придется переделывать все расчеты, ждать еще смену, когда отследят все пригодные для эксперимента объекты. Хочешь, за сегодняшний день заплачу тебе три тысячи?

Еремееenko призадумался, но покачал головой.

– Спят нас, – уверенно заявил он. – Мне, в общем-то, по фигу, а вот вас жалко. Вы с тремя дежурными по части договорились, но сегодня в семнадцать часов заступает капитан Витухин... сами понимаете...

– Да, с ним не договоришься... – согласился Бражников. – Капитану Витухину карьера важна, и он ради нее не пожалеет ни мать, ни отца. Но до семнадцати часов время есть, отстреляемся, закончим, и гуляй на все четыре стороны. Возьмешь билет на ночной поезд, и ту-ту домой. А?

– Мне еще на электричке трястись до Москвы, у коменданта отмечаться. А время скоро за полдень.

– Одиннадцати нет еще, – поморщившись, ответил Бражников. – Как маленького тебя уговариваю. Три дня выгораживал, магарычи раздавал, чтобы закрыли глаза на пребывание в части демобилизованного солдата...

– Так вам же нужно было, чтобы я бандерлогов довел до ума. Мне-то они, что шли, что ехали. Не насилуйте, товарищ полковник. Ну, отсижу я с вами сегодняшний эксперимент, а на той неделе вы новый задумаете, еще круче. И все равно охлаждение придется бандерлогам доверить на все сто.

Полковник вздохнул.

– Твоя правда, боец. Перестраховываюсь. Спасибо, и так меня здорово выручил.

Он достал из кармана деньги и вручил Еремеееву.

– Ну, пойдем, я выведу тебя.

Получив наличные по уговору, дембель приободрился. Ему оставалось только смотаться в казарму за сумкой с вещами, и можно начинать гражданскую жизнь. Главное не попасться по дороге знакомым офицерам, а то будет дело. Подставлять полковника Еремееенко не хотел. Дежурные по части в курсе, что Бражников, вопреки всем правилам, на целых три дня задержал уволившегося солдата, который снят со всех видов довольствия и должен был уже нежиться под южным солнцем на берегу Черного моря. А вот офицеры постарше, попадись им на пути дембель, задались бы вопросом и вставили бы полковнику добрый пистон с фитилем.

И никого не будут волновать намерения Бражникова, побудившие его на подобное нарушение. Хотя ишаку понятно, что полковник затеял все не корысти ради, а чтобы подготовить молодых механиков к выполнению поставленных Родиной задач в наилучшем виде. Он за это даже свои кровные деньги отдал Еремееенко, только бы тот согласился довести подготовку молодых бойцов до вменяемых показателей.

Проводив Еремееенко, полковник вернулся в операторский зал и занял кресло за своим монитором. Прежде чем начать дальше действовать лазером, следовало еще провести расчеты и проиграть на компьютере симуляцию столкновений.

– У вас часа два есть времени, – сообщил Бражников операторам. – И начнем. А пока займитесь системой компенсации линзирования атмосферы в точке базирования излучателя. Сегодня задействуем номер третий, алтайский. Если понадобится, и другие подключим. Целей много. Пока новолуние, нужно пользоваться моментом!

– Есть! – ответил оператор за пультом управления лазерами.

Полковник распустил галстук и расслабил верхнюю пуговицу на рубашке, почти бессонная ночь после приезда родственника не прошла даром. Щеки Бражникова то и дело наливались нездоровым румянцем, причем ни с того ни с сего. А по обе стороны грудной клетки будто печеная картошка поселилась, так грело. Боль – не боль, а черт знает что такое. Недосып!

– Мне тут одному жарко? – спросил он у ближайшего офицера-оператора.

– Нет, действительно душно, – ответил тот.

Полковник нажал кнопку селектора и велел дежурному технику включить систему кондиционирования воздуха на полную. Все равно бункер следовало заранее продуть и охладить, потому что, когда на серверы ляжет внушительная нагрузка, все лишние системы, в том числе и вентиляцию залов, придется отключить.

Когда пойдет серия, моргнуть будет некогда, не то что озаботиться охлаждением атмосферы в помещении. Серверы как печки. Зимой хорошо, а сейчас самая середина июля. На улице днем до тридцати, потому вся ответственная работа планируется на вечер и ночь, когда можно будет затягивать с улицы прохладный воздух. А чтобы у противника не возникли подозрения из-за повышенной температуры исходящего воздуха, внешне бункер замаскировали под гарнизонную котельную, мол, там и должен быть жар.

Глава 2

В которой журналист Пичугин опасается нападения киллера, а генерал Ковалев всего лишь хочет поговорить со своим аналитиком с глазу на глаз.

Над Москвой медленно остывал летний день. До вечера, залитого закатными красками, было еще далеко, но зной уже покидал один тенистый двор за другим, оставаясь лишь на залитых солнцем транспортных артериях города. Окна домов, обращенные на запад, напоминали листы железа, только что вынутые из кузнечного горна.

Олег Иванович Пичугин, попрощавшись с коллегами, покинул офис редакции, миновал вахту с турникетами, отворил тяжелую деревянную дверь и сощурился от яркого света. Несмотря на жару, одет он был в легкие серые брюки и тонкий серый пиджак, под которым виднелась светло-голубая футболка Lacosta, а обут в кожаные туфли, явно не из дешевых. Солнце, зависшее между двумя высотками на другой стороне Ленинского проспекта, било ему прямо в глаза.

Неспешно ступая по асфальтированной дорожке сквера, отделявшего редакционное здание от парковки, Пичугин добрался до своего белого «Форда-Фокус». Отключив сигнализацию, он открыл дверь и уселся за руль, нечаянно зацепив макушкой зеркало заднего вида на лобовом стекле. Крупный, немного рыхловатый, с лицом добродушного сибиряка, он выглядел лет на пятьдесят, и ничего особо примечательного в его внешности посторонний взгляд не заметил бы. Таких каждый день тысячами привозят в Москву вагоны поездов, прибывающих со всех концов необъятной России. Но опытный наблюдатель, знающий толк в психологии опасных профессий, наверняка отметил бы походку Пичугина. Будто перед тем, как перенести тяжесть на ногу, он пробует грунт на прочность. Отсюда возникала некоторая неторопливость, которую каждый интерпретировал на свой лад и по-своему объяснял.

Пичугин достал из кармана флешку и воткнул ее в гнездо музыкального центра. Но карточка содержала не музыку, ее Пичугин за рулем никогда не слушал, предпочитал подумать. На карточке хранилась запись интервью тренера благотворительной детской борцовской школы из Пятигорска. На основе этого сумбурного и сбивчивого материала к завтрашнему дню следовало сделать полноценную статью для газеты. Задание не бог весть какой сложности, но для начала надо хотя бы понять, какую именно мысль пытался донести говорящий. Его акцент и косноязычие никак этому не способствовали. Дома тратить время на расшифровку не хотелось, поэтому лучше все в дороге прослушать и переварить. Все равно придется постоять в пробках.

Поправив зеркало, Пичугин завел мотор. Дал ему поработать пару минут и вырулил с парковки на проспект.

Подозрительную машину, черный «Ниссан-Теана», журналист заметил позади почти сразу же, хотя та ничем особенным не выделялась из плотного автомобильного потока. Но какие-то мелочи, которые сам Пичугин вряд ли бы смог назвать, все же привлекли внимание именно к ней. Чтобы проверить интуицию, пришлось несколько раз перестроиться и обогнать фуру. Черная «Теана» действительно следовала за «Фордом» Пичугина неотступно, хотя и на профессиональном удалении. Взгляд обывателя вообще ничего тревожного не приметил бы, но автор статей заволновался. Кому вдруг понадобилось садиться на хвост обыкновенному и непримечательному журналисту малотиражной газеты? Причем, очевидно, что наблюдение установили от самой парковки, затем передали наводку ребятам в «Теане». А это означало, что работал кто-то силами слаженной группы, хорошо представляя, что делает и зачем.

По большому счету, у Пичугина возникла всего одна версия, кому он мог понадобиться. Точнее, у кого могли найтись ресурсы, достаточные для организации столь профессиональной слежки. Но этот вариант не вязался с текущей ситуацией. Если допустить, что наблюдение за

журналистом установил генерал Ковалев, то концы не сходились с концами. И это встревожило еще больше. Почему он просто не позвонил в редакцию, не назначил встречу? Что может быть проще? Он прекрасно знает, где работает Пичугин, кем и ради чего. Более того, Ковалев сам поспособствовал такому трудоустройству. И уж точно для него не был секретом номер телефона редакции. Раньше ведь он звонил туда неоднократно. Что помешало теперь? Нештатная ситуация? Но какая? И какое отношение к ней может иметь Пичугин? Неужели генералу ФСБ проще организовать слежку, чем набрать номер редакции?

Впрочем, выяснить, что происходит, было не сложно. Достаточно самому позвонить Ковалеву и спросить, кто и за каким бесом мог сесть на хвост. Не в детском же саду, в такие игрушки играть.

Чуть сбавив скорость и перестроившись правее, Пичугин достал из кармана пиджака допотопный кнопочный телефон «Siemens ME45», а из другого кармана батарею к нему. Придержав руль коленом, он быстро поставил батарею на место, закрыл крышку и нажал кнопку включения. Держать телефон выключенным, пока самому никуда не надо звонить, давно уже стало профессиональной привычкой, а пользоваться смартфоном даже в голову не приходило. И дело было не в вере в теорию заговора, и не в паранойе, дескать, даже выключенный телефон виден в Сети и на него можно дозвониться. Дело было в другом. Пичугин хорошо знал, что в любой телефон, выкрыв его всего на пару минут, можно вмонтировать маячок или подслушивающее устройство, не имеющее к электронике телефона никакого отношения. Но вот питание такая начинка все равно будет получать от основной батареи. Больше неоткуда. И если ее убрать, можно в какой-то степени обезопасить себя от ненужного внимания.

Дождавшись, пока загрузится заставка, Пичугин выбрал из телефонной книги номер Ковалева, но, подумав, кнопку вызова так и не нажал. Надо было выждать. Если Ковалев пытался дозвониться не в редакцию, а на выключенный мобильник, об этом придет оповещение по СМС, как только Сеть идентифицирует сим-карту. Но время шло, а СМС не приходило. Это означало, что попыток дозвониться журналисту никто не предпринимал.

Оторваться Пичугин не пытался, у «Теаны» движок почти вдвое мощнее, плотность потока тоже не способствовала маневрам, а провоцировать следящих глупо. Они просто сдадут другой группе и позволят оторваться. Какого черта?!

Сделалось совсем уж тревожно. Такое положение дел могло означать две вещи. Либо Ковалев не хотел, чтобы кто-то отследил и зафиксировал его контакт с одним из агентов, либо он был не в состоянии позвонить. Но тогда, по какой причине?

«Спокойно, без суеты! – Пичугин решил все взвесить по пунктам. – Ковалев – куратор. Я на него работаю. Кто знает об этом? По идее, не должен никто. Наши отношения – конфиденциальны, в этом весь смысл создания личной агентуры, особенно секретной. Значит, либо слежку организовал сам куратор, либо кто-то нашел мои старые файлы и решил выяснить связи и так вот нахально последить?»

Первый вариант казался странным. Непонятна причина, побудившая Ковалева на слежку, и пока не было возможности ее раскопать. Второй вариант выглядел более правдоподобно. Кому-то понадобился бывший опер и аналитик. Досье на Пичугина есть, любой из высших офицеров ФСБ мог его затребовать. Если Пичугин некогда понадобился одному, почему теперь не может понадобиться и другому?

Но оставался и третий вариант. Тоже маловероятный, но возможный. «Кому-то я перешел дорогу? – с недоумением подумал Пичугин. – Как? Чем? Сижу тихо, копаю инфу... пишу статьи. Самый законопослушный гражданин».

Жара плавил мозг, раздражала, мешала сосредоточиться. Пичугин на полную выкрутил ручки климат-контроля. Прохладный воздух из приборной панели почти не остужал, сразу растворяясь и смешиваясь с перегретым воздухом салона. Несмотря на белый цвет кузова,

жаркий день перегрел машину, и усилий кондиционера на восстановление комфортной обстановки явно не хватало.

Пичугин и в молодости мог похвастаться отменной выдержкой, а с возрастом она стала лишь крепче, но все равно у него на руле взмокли ладони. Он не любил резких поворотов судьбы, всегда и во всем предпочитал стабильность, и ему не доставляло радости, когда ее что-то могло поколебать. Такие перемены ни разу не принесли ничего хорошего. Становилось лишь хуже. Как после увольнения из ФСБ, например, когда наступил период, во время которого концы с концами едва удавалось свести. Но Ковалев его из этой ситуации вытащил. И стало намного лучше. Но что, если теперь с самим Ковалевым случилась беда? И слежку организовал не он?

Вообще Пичугина сложно было назвать оптимистом и везунчиком. Но и пессимистом он не был. В критических ситуациях он чаще всего занимал сложную позицию, лежащую между перестраховкой и взвешенным реализмом. Это столько раз его выручало, что к полувековому жизненному юбилею закрепилось в характере намертво. Так и в этот раз, отбросив наиболее вероятный вариант со слежкой, устроенной непонятно зачем благодетелем, он начал взвешивать другие варианты, оценивая их по степени вероятности.

Собственно, очевидно, что организовать слежку мог не только Ковалев, но и его враги. Как внутренние, так и внешние. И хотя Пичугин ничего об этих врагах не знал, он отдавал себе отчет, что у генерала ФСБ, да еще принимающего решения по оперативной работе, не может их не быть. Напротив – просто обязаны. И сам Пичугин, скорее всего, им не интересен совершенно. Но они знают, или узнали, что журналист – человек Ковалева, и как его инструмент может стать помехой или, к примеру, ценным источником информации. А помехи на таком уровне принято устранять. Без шума и пыли, как говаривал герой Анатолия Папанова в известной комедии. Информаторов, выдоив все, что можно, рано или поздно – тоже.

Пичугину, как и любому человеку, ведущему двойную жизнь, приходилось думать о многом. Как не перепутать, кому что врал, как не забыть, кому что надо соврать... О безопасности тоже думать приходилось, причем не в последнюю очередь. И если в пору бурной молодости все это казалось захватывающим и добавляло адреналина, то теперь воспринималось излишеством, которого лучше избежать. Вот только как уйти от опасности, когда рычаги влияния на ситуацию в чужих руках? Да еще неизвестно в чьих.

Нужно идти ва-банк. Неожиданно и решительно. Вынуждая противника поступать в нарушение инструкций.

В подобных случаях, Пичугин знал это по опыту, действовать лучше всего странно, хаотично, непредсказуемо для противника. Стоит сломать ему заготовленный план, и, как чертик из коробочки, нет-нет да и выскочит спасительный шанс. Так иногда резиденты делают шаг навстречу наружке и предлагают зайти в кафе и выпить по чашечке кофе, не боясь раскрыться. Такой демарш вносит сумятицу в умы, ломает инструкции, вынуждает совершать ошибки.

Однажды в молодости Пичугину было поручено забрать закладку в Булонском лесу. Вроде все просто. Лес, он и есть лес. Но без слежки не обошлось, Пичугин ее сразу заметил. Это была штатная группа, наблюдавшая за всеми сотрудниками военной миссии, которые выбирались в город. А уж если кто из членов миссии направлялся в лес, то наружка организовывалась не двумя ажанами, а не меньше пяти или шести человек в разных ролях. Заметив их, Пичугин сделал вид, что совершает пробежку вокруг озера. Это естественно, тем более что связанной оставил закладку в районе водопада, искусственных каскадов. Французские агенты не ожидали, что двадцатипятилетний парень выскочит в шортах, футболке, кроссовках и начнет нарезать круги вокруг озера. У Пичугина было всего с полчаса, пока Дезьем-бюро выпустит аналогичного агента, и нужно было успеть оторваться и снять посылку.

Согласно легенде, маленькая коробочка была закреплена под лавкой у самой воды с помощью жвачки. Пичугин, описывая второй круг, заметил, что французский агент на мгнове-

ние отвлекся, прикуривая. Этого было достаточно для стремительного броска – скользнуть под берег, плюхнуться на скамейку и первым делом снять закладку, поместив ее в кармашек шортов. Дальше проще – Пичугин, как ни в чем не бывало, снял кроссовку и принялся вытряхивать из нее камушки на траву. Оглядевшись, он сунул ногу обратно в кроссовку, завязал шнурки и рысцой направился в сторону суетящегося ажана. Тот был красен и взвинчен. Пичугин, сделав приветливое лицо, приблизился к французу трусцой, махнул рукой и, улыбнувшись, произнес:

– Бон шанс, месье!

– Ммерд², – процедил в ответ француз и нервно затянулся сигаретным дымом.

Через некоторое время в рядах французской наружки появились агенты-бегуны, агенты-собачники и даже парочки влюбленных. А попадись тогда Пичугин со снятой закладкой, и потерял бы научный отдел КГБ, занимавшийся разработками ТТЛ³, важнейшего информатора среди французских инженеров-физиков. Но обошлось. Неожиданное решение пуститься трусцой спасло ситуацию. И теперь, много лет спустя, Пичугин не собирался лишать себя шансов.

Вырулив с Ленинского проспекта на Крымский мост, он несколько раз газанул, вынудив движок выплюнуть облако черной копоти на переходных режимах, включил аварийную сигнализацию и довольно резко сбавил скорость. Возмущенные водители гудели клаксонами, показывали неприличные жесты, но Пичугину было плевать. Он, чуть наискось, остановил задержавшуюся машину во втором ряду, выбрался из салона и открыл капот, чуть вывернув голову, чтобы видеть окружающую обстановку.

Водитель черного седана, похоже, такой выходки не ожидал. Он не успел сбавить скорость, поэтому ему пришлось обогнуть «Форд» и лишь потом остановиться. Это сразу поставило Пичугина в более выгодную ситуацию. Теперь он сам следил за проколовшимися наблюдателями. В случае опасности можно сдвинуть ручку автоматической коробки и направить «Форд» на противника. Конечно, если не станут применять огнестрельное оружие. Но и на этот случай Пичугин знал, что делать. Именно поэтому остановил машину на мосту, а не просто на дороге. Дело в том, что высота парапета над уровнем реки не превышала пятнадцати метров. Не мало, но и не смертельно, если войти ногами в воду. Так что, если станут стрелять, другого способа спастись не останется.

Что происходило в салоне седана, различить не получалось, мешали затемненные стекла. Пичугин поднял капот и, сдвинув темные очки на темя, склонился над разгоряченным мотором, сохраняя предельную бдительность и ожидая, что будет дальше. Совсем уж откровенно рассматривать «Теану» было нельзя. Приходилось делать вид, что от одной из клемм под капотом отскочил провод, и его непременно нужно достать. Время работало на Пичугина, потому что машина, застрявшая на мосту, неизбежно привлечет внимание первого же полицейского патруля. А это уже совсем другая расстановка сил. Но почему-то и из подозрительной машины никто не показывался. Хоть бы до киоска сбегали за сигаретами, для отвода глаз. За каким хреном в таком случае остановился?

Впрочем, длилось это недолго. Открылась правая передняя дверь седана, выпустив на асфальт рослого мужчину лет тридцати на вид. Несмотря на жару, на нем, кроме легких туфель, черных джинсов и темно-синей футболки, была надета еще и черная джинсовая куртка. Пичугин знал, что без необходимости так не одеваются, чаще всего дополнительная одежда скрывает оружие на поясе или в подмышечной кобуре. Черные волосы на голове незнакомца были гладко зачесаны, а взгляд, чем-то похожий на взгляд матерого волка, выдавал человека, много повидавшего и много к чему готового.

Оглядевшись, мужчина неспешно направился к машине Пичугина. Движения незнакомца выглядели собранными, лаконичными и тоже словно звериными, недвусмысленно наме-

² Дерьмо.

³ Твердотельный лазер.

кая на сотни часов, потраченных в спортивном зале, в тире и на борцовском ковре. Журналист сглотнул. От такого, даже если дернуть в сторону парашюта, чтобы прыгнуть в реку, шансов спастись будет мало. Или догонит, или подстрелит.

Но не успел незнакомец поравняться с задним бампером своей машины, как в черном лаке седана отразились синие сполохи полицейского проблескового маячка. Пичугин скосил взгляд, но не заметил, чтобы появление полиции озадачило незнакомца.

Сине-белый «Мерседес» дорожного патруля медленно подкатил по левому ряду и остановился рядом с «Фордом».

– Капитан Демченко, – представился через приоткрытое окно офицер, сидящий рядом с водителем. – Что у вас за проблемы?

– Представления не имею. – Пичугин пожал плечами. – Я не механик. Задергалась и встала, а усилитель руля, сами понимаете... хрен провернешь. Вот и стою.

– Зачем же капот надо было открывать? – хмыкнув, спросил капитан. – Лучше б знак аварийный поставили!

– Ну, так, для порядка, надо посмотреть. Может, провод какой-нибудь отвалился? А знак не успел...

Капитан что-то сказал водителю, и тот загнал патрульный автомобиль между «Фордом» и черным седаном, чтобы освободить левую полосу, на которой уже потихоньку начал образовываться затор. Все выглядело как рядовое мелкое ДТП на мосту.

– А вы что тут делаете? – спросил капитан у холеного незнакомца в джинсовой куртке, чуть высунувшись из окна. – Приятель этого?

Офицер кивнул в сторону журналиста. Незнакомец вместо ответа достал из куртки удостоверение и, не выпуская из рук, показал полицейскому.

– Проводим важные оперативные мероприятия, – добавил незнакомец. – Кстати, от вас понадобится помощь.

– Это какая же? – удивился Демченко.

– Отгоните, пожалуйста, «Форд» на ближайшую парковку. А мы оба на нашей машине уедем.

– И долго у вас эти... мероприятия продлятся?

– Ровно одну минуту, – спокойно ответил незнакомец и направился к Пичугину.

Тот понимал, что если вдруг незнакомец выхватит оружие, полицейские, несмотря на предъявленное удостоверение, скорее всего пресекут стрельбу на мосту. Так что с прыжком в воду пока можно было повременить.

– Олег Иванович, я от Ковалева, – сообщил незнакомец, пружинной походкой обогнув полицейскую машину. – Меня зовут Кирилл Стежнев.

– Сын генерала Стежнева? – удивился Пичугин.

– Именно так, – Кирилл сдержанно улыбнулся.

– Почему же Ковалев мне просто не позвонил?

– Не позволяет оперативная ситуация, – уклончиво ответил Кирилл.

– С ним что-то случилось?

– Случилось, но не с ним. Садитесь в нашу машину, а ваш «Фокус» полицейские отгонят на ближайшую парковку. Потом заберете.

Поняв, что ничего важного все равно озвучено не будет, Пичугин решил от дальнейших вопросов пока воздержаться и делать как приказано. Интуиция и опыт старого разведчика ему подсказывали, что ситуация складывается скорее таинственная, чем опасная. Мозг лихо-радожно строил предположения, что именно могло побудить Ковалева действовать столь нелогичным образом. Но ответа не находил. Данные для анализа пока отсутствовали начисто.

Кирилл открыл дверцу и жестом предложил Пичугину занять заднее сиденье. Сам уселся спереди, рядом с водителем. Больше в машине никого не было. Значит, не взяли, а действи-

тельно пригласили на разговор. Впрочем, пристрелить можно в любой момент. Кириллу достаточно спустить курок прямо через куртку. Но он вряд ли станет портить обивку. Впрочем, доверять нельзя никому, даже собственной тени.

– Погнали, – велел Кирилл водителю, не уточнив, куда именно.

Но Пичугин был уверен, что речь шла о встрече с Ковалевым не в управлении ФСБ. Если бы Пичугину следовало прибыть туда, все развивалось бы иначе.

– К генералу едем? – все же спросил он.

– Да. Но не в управление.

– Это я уже понял, – пробормотал Пичугин и откинулся на спинку сиденья.

Черный седан набрал скорость, включив замаскированные проблесковые маячки под решеткой радиатора. То и дело водитель подавал сигнал служебной «крякалкой», чтобы расчистить левую полосу движения от медлительных и нерасторопных водителей. Кирилл достал из кармана баллончик ингалятора.

– Астма? – удивленно спросил Пичугин, снова ощутив беспокойство.

Он знал, что с таким заболеванием в оперативниках делать нечего. А тут – на тебе.

– Нет! Бипарок, антибиотик. – Кирилл рассмеялся. – Жара адская, где-то сквозняком прохватило, наверное. Горло болит, но отлеживаться нет ни времени, ни возможности. Вот и пользуюсь.

Он встряхнул баллон и попробовал снова им воспользоваться, но струя аэрозоля почему-то не вырвалась.

– Вот же, зараза, – выругался Кирилл. – Он снова потряс баллон, нажал на кнопку распылителя. На этот раз сноп брызг вырвался, ударив в лицо Пичугину.

– Прошу прощения! – сконфузившись, произнес Кирилл, затем приоткрыл окно и выкинул капризный баллончик прямо на газон. – Вот, дрянь. Ненавижу этот чертов прогресс. Чем дальше, тем более поганые вещи производят. Лучше бы его вообще не было. А так надеешься, надеешься, а оно – пшик. В прямом смысле слова.

Пичугин пожал плечами в ответ на эту софистику и погрузился в собственные мысли, не обращая внимания на происходящее за пределом салона. Запах лекарства постепенно испарялся, оставив привкус в носу и во рту.

Вскоре из задумчивости вывел голос Кирилла.

– Приехали.

Он первым выбрался из машины, дождался Пичугина, и они вместе направились к неприметному дому брежневской постройки, до пятого этажа укрытому в кронах деревьев. На детской площадке шумно играли дети, старушка в легком ситцевом платье кормила голубей хлебными крошками из пластикового пакета.

Пичугин понял, что встреча с Ковалевым, судя по всему, пройдет на конспиративной квартире. Это еще более подчеркивало неординарность происходящего. Дело в том, что обязанности, возложенные генералом Ковалевым на Пичугина, предполагали некоторый уровень секретности, но не требовали особенной конспирации, если не считать необходимости числиться журналистом в газете и реально писать самому часть статей или редактировать материалы от внештатников. Давно не являясь действующим сотрудником ФСБ, будучи официально уволенным из структуры, Пичугин выполнял в команде Ковалева весьма специфичные функции.

Мало кто знает, что одна из важнейших сторон деятельности ФСБ заключается в простой, но очень кропотливой аналитической работе. Десятки специалистов ежедневно рыскают по страницам всевозможных технических журналов, российских и иностранных периодических изданий, прослушивают записи речей и выступлений, следят за телевизионными и радиопередачами. Несмотря на важность этой работы, нагружать рутинной штатных аналитиков, оперативников, действующих офицеров руководство считало нецелесообразным. Куда проще было

создать в высшем звене оперативного управления систему кураторов, способных выявлять и использовать внештатных агентов, которые справятся с этими задачами в силу образования, рода деятельности и личностных факторов. Как и все внештатники, они работали не за жалование, а в силу совсем других мотиваций. Кто-то довольствовался покровительством мощной структуры федеральной безопасности, для кого-то это был выбор между работой и уголовной ответственностью, как для проштрафившихся мелких хакеров, выбравших после поимки участь бойцов невидимого информационного фронта, а не отсидку в тюрьме. Эти люди собирали, что называется, информационную пену, прикладывая к ней лишь минимальный уровень анализа, делая самый первичный отсев и сортируя информацию по широким темам, таким, как «революции», «социологические тенденции», «космос», «террор», «вооружение», «кибернетика» и прочие, в зависимости от поручения.

Куда менее численная группа внештатников, уже состоявшая из хорошо подготовленных ученых-специалистов, а отчасти из бывших сотрудников ФСБ, имевших опыт структурного анализа информации, работала с данными, поступающими от первой группы. Тут задачи стояли уже намного серьезнее. Большинство обывателей не в силах даже представить, какую ценную информацию, при должном анализе, можно добыть из совершенно открытых источников. Но это лишь оттого, что такая информация, как правило, очень разрознена. Стоит собрать ее в единый массив, и можно сделать массу далеко идущих выводов. Например, один из конгрессменов США встречается с рабочими на строительстве железнодорожной ветки в Техасе. Ничем не примечательная новость. Но если сложить ее с информацией о структуре железнодорожной сети США, станет ясно, что эта ветка не ведет ни к городу, ни к известному промышленному объекту. К чему тогда? Скорее всего, к новой базе или к новой радарной станции системы ПРО. Этой информации порой достаточно, чтобы именно на этот участок местности были направлены объективы спутников-шпионов с целью подтвердить или опровергнуть сделанный аналитиками вывод. Вот на такие мелочи и ориентирован сбор информации.

Генерал Ковалев, кроме выполнения своих непосредственных обязанностей в командном эшелоне оперативного управления ФСБ, относился к числу тех самых кураторов, на которых, в силу их личных качеств, была возложена еще и работа с внештатными агентами. О существовании Пичугина он вспомнил несколько лет назад, проглядывая досье на уволенных сотрудников с целью вербовки очередного агента в команду аналитиков. Для выполнения поставленной задачи Пичугин годился идеально. Он имел образование физика, закончил МФТИ, имел опыт работы с ядерным оружием на полигоне в Семипалатинске, а главное – он был, хоть уволенным, но все же офицером ФСБ, ему, пусть и не официально, можно было доверить достаточно секретную информацию. Так Пичугин, который на тот момент едва сводил концы с концами, подрабатывая внештатным журналистом в нескольких газетенках, оказался под патронажем генерала Ковалева.

Этот союз в полной мере устраивал обоих. Генерал имел честного, работающего, а главное, надежного человека в среде аналитиков, на которого, случись что, можно было взвалить работу, которую никому из гражданских доверить недопустимо. Для Пичугина работа на Ковалева дала куда большие стабильность и комфорт, чем он мог себе позволить раньше. Руки у Ковалева были достаточно длинные, чтобы он мог заметно влиять на судьбу завербованных им агентов, устраивать их на перспективные должности и приглядывать, чтобы при этом никто из сотрудников-завистников не подсидел.

Когда возник проект «Американка», Ковалев тут же поставил на его мониторинг Пичугина, уже по опыту зная, что тот выполнит все, что нужно и как сказано. Да и мало кому можно было доверить курировать программу столь высокого уровня секретности. К тому же, для такой работы нужен был человек, прекрасно разбирающийся в математике, технике и физике.

Так все и срослось. Днем Пичугин зарабатывал легкие, но официально небольшие деньги в редакции, где его никто особо не нагружал, а вот платили при этом исправно, и в виде пре-

миальных совсем не мало. Вечером он усаживался за домашний компьютер и начинал мелким ситом утюжить информационное пространство открытых источников, выискивая либо признаки утечки информации, либо признаки того, что кто-то, кроме Бражникова, тоже до такого додумался. При этом ни в какие лишние детали Ковалев агента не посвящал.

Чтобы лучше справляться с работой, Пичугин составил себе систему ключевых слов-запросов, по которым он, через поисковые системы, просматривал самые разные сайты, от пресс-релизов зарубежных разработок до отзывов к фантастическим романам на сайтах пиратских библиотек. Но каждый раз выяснялось, что ни утечки информации от Бражникова не произошло, ни подобных идей, независимо и параллельно, ни у кого не возникло. И это было замечательно, так как в работе Пичугина ценился именно отрицательный, а не положительный результат поиска.

Именно из-за специфики своей «общественной нагрузки» Пичугин терялся в догадках, что же такого могло произойти, чтобы его вот так, тайком ото всех, без звонка, взяли под белы ручки и доставили на конспиративную квартиру. Это было как минимум странно. А, по чести говоря, – ни в какие ворота не лезло. Пичугин физически не владел никакой сверхсекретной информацией, кроме самой сути «Американки» Бражникова. Но понимания сути мало. Бражников несколько лет разрабатывал методологию вычислений, объединявших в себе расчеты параметров лазерного луча, расчеты энергетики его воздействия, динамики испарения материала обломков, а также динамики соударения и его последствий. Это цифры, цифры, цифры и многие цифры. Лишь часть из них можно было рассчитать на основе кеплеровской механики. Большинство данных собиралось эмпирическим путем, фиксацией и анализом десятков и сотен воздействий, как на стендовых, так и на космических испытаниях. Такой массив не соберешь ни за год, ни за два. Именно этот массив являлся особо секретным, именно он мог оказаться лакомым куском для иностранных разведок. Но доступ к нему был в полном объеме только у Бражникова.

Конечно, сам факт существования «Американки» также являлся тайной. Пичугин затем и сидел ночами за компьютером, роясь в Сети, чтобы вовремя выявить момент, когда это перестанет быть секретом. Пока этого не произошло, информация оставалась конфиденциальной, но не настолько, чтобы за одно это знание Пичугину могли грозить серьезные неприятности. Если только что-то не поменялось кардинально, если в стране не случился путч, или если американцы не разработали еще что-то более хитрое, и оно как-то ускользнуло от глаз аналитика. Вот в этом случае лишний свидетель может оказаться не нужен или даже опасен. И тогда жизнь Пичугина гроша ломаного не будет стоить.

Несмотря на жару, еще наполнявшую двор, у журналиста по спине пробежали ледяные мурашки. Но это лишь в первый миг, когда мысль о возможной смерти неожиданно выпрыгнула из глубин сознания и больно резанула по нервам. Уже в следующую секунду он сам себя успокоил. Не для того существуют конспиративные квартиры в Москве, чтобы на них убивать неугодных агентов. Куда проще было бы отвезти за город и там элементарно прикончить из пистолета с глушителем, а потом отправить в Клязьму с обломком бордюрного камня на шее. Нет, тут все же что-то другое. Но что?

Добравшись до подъезда, Кирилл нажал комбинацию кнопок на домофоне, отворил дверь и пропустил Пичугина вперед. Внутри было прохладно, над лестничной площадкой у лифта кружило несколько мух.

Аналитик, ощущая, как начинает болеть голова, вызвал лифт, но он оказался в самом низу, поэтому двери открылись сразу.

– Шестой этаж, – подсказал Кирилл.

Кабина тронулась, и это движение словно подтолкнуло мысли Пичугина в нужное русло. «Что-то случилось с самим Бражниковым, – догадался он. – Или с проектом».

Это был наиболее правдоподобный вариант. Возможно, из-за какого-то происшествия с Бражниковым Ковалев оказался в неудобном для него положении. И хотел бы сохранить это в тайне. Но ему нужна информация, добыть которую можно поручить лишь собственному агенту, никого при этом больше не ставя в известность. Это самое логичное.

Пичугину стало легче. С одной стороны, это просто догадка, досужий вымысел. С другой – в нем действительно имелась вполне здравая логика.

На выходе из лифта Кирилл достал из кармана джинсов ключи и открыл замок стальной двери одной из квартир.

– Проходите, – велел он.

Квартира была небольшой, коридор выводил из прихожей прямоком на кухню, а слева располагались две двери. Одна закрытая, другая распахнутая настежь. За ней виднелась скромная, типовая для советской малогабаритки, обстановка гостиной.

– Разуваться не надо, ковров нет. – Кирилл запер входную дверь. – Проходите в гостиную.

Пичугин перешагнул порог комнаты и увидел Ковалева, в брюках и цветастой гавайке. Тот сидел в кресле и улыбался.

– Перепугался небось? – спросил он вместо приветствия.

– Было дело, не без этого, – сознался аналитик, невольно поморщившись от накатившей головной боли.

– Пиджак снимай и садись. Жарко. – Ковалев указал на диван у противоположной стены. – Кирилл, ты пока свободен. Только будь на связи. Если понадобится, вызову по рации.

– Хорошо.

Провожатый покинул квартиру, оставив генерала наедине с журналистом.

– Я понимаю, что ты весь в догадках... – Ковалев хмыкнул. – Но у нас тут такое дело... Честно признаюсь, пока не хочется всех на уши поднимать. Ты же знаешь, как в моей работе легко прослыть паникером? И что бывает, если к тебе прилипнет такое клеймо.

– Да.

– Ну вот. Поэтому я решил: сначала собрать данные, потом их хоть как-то проанализировать, а потом уже делать выводы и представлять их начальству.

– С Бражниковым что-то? – напрямую спросил Пичугин.

– Экий ты догадливый! За что и ценю. Да. С Бражниковым. И именно «что-то». Точнее не скажешь.

– Пропал?

– Нет, вот тут мимо тазика. На месте Бражников. В бункере системы слежения. Секретный объект, как ты понимаешь. Его группа проводит серию экспериментов, как раз по «Американке». Но, как в известном анекдоте, есть нюансы. И заключаются они в том, что если мы не почешемся, не разберемся в ситуации и не купиреем ее, может запросто начаться третья мировая война.

– Шутите? – Пичугин напрягся.

– Хотелось бы. Но что-то не весело. Во время очередного воздействия лазером один из обломков космического мусора, принимавший участие в эксперименте, сорвался с орбиты и теперь должен впечататься в действующий американский спутник. Причем изменение траектории произошло так круто, что любой мало-мальски грамотный баллистик отвергнет случайность произошедшего и легко вычислит, откуда у ситуации ноги растут. До реальной причины, может, и не докопаются, но начнут искать, и наверняка кому-то в голову придет та же идея. Тогда вся наша секретность накроется медным тазом. Это раз. А два, по факту, мы атакуем военный объект США. Первыми. Без объявления. Понимаешь, к чему все придет?

– Стоп, стоп! – Аналитик поднял ладони. – Но сам Бражников как это все объясняет? Он что, не может стабилизировать этот обломок?

– Что ты кривишься все время?

– Голова болит, – признался Пичугин.

– Это жара, – уверенно заявил Ковалев. – У меня тоже давит под черепом. Сейчас, подожди. У меня где-то было неплохое обезболивающее. Осталась как раз последняя пара таблеток.

Оставив журналиста, он скрылся на кухне, хлопнул дверцей шкафчика, звякнул стаканами. Вернувшись, протянул довольно большую капсулу в растворимой оболочке, а другую, такую же, проглотил сам, запив из стакана.

Пичугин тоже принял пилюлю.

– На, запей, – Ковалев протянул свой недопитый стакан. – Не бойся, я не заразный.

Отказываться Пичугин посчитал недопустимым, но с трудом поборол приступ брезгливости. Облизывать чужие стаканы он не любил, испытывая физиологическое отвращение. Но желание побороть головную боль и нежелание выглядеть чистоплюем в глазах генерала оказалось сильнее. Он вылил воду в рот, стараясь не прикасаться к стакану губами, и проглотил пилюлю.

– Беда в том, что Бражников действительно ничего не может. – Ковалев нахмурился.

– Но он же в бункере? – У Пичугина похолодело в груди.

– Да. И вот тут, дорогой мой, у нас, говоря по-русски и откровенно, начинается полная задница.

Генерал взял с журнального столика пульт управления DVD-проигрывателем и запустил запись на экране небольшого жидкокристаллического телевизора.

– Это запись с одной из камер в бункере, – пояснил Ковалев. – Строго секретная, разумеется. Посмотри. Войди в курс дела. А потом выскажешь мне свои соображения.

Пичугин ощутил, как головная боль начала сдавать позиции, отступая и освобождая сознание. Пилюля наверняка не из обычной аптеки, слишком уж быстро подействовала. Это было как нельзя кстати, теперь можно сосредоточиться на просмотре предоставленного материала.

Глава 3

В которой полковник Бражников ошибается в данных, так что ставит под угрозу мир на планете, а Пичугин предполагает невероятное.

Закончив расчеты, полковник Бражников несколько раз прокрутил на мониторе симуляцию столкновений с учетом погрешностей и остался доволен. Радовало, что разработанная им методология вычислений, воплощенная в уникальном программном обеспечении, в скором времени позволит выявлять пригодный для использования космический мусор в режиме реального времени любому оператору, не имеющему специальной подготовки. Вот это будет прорыв. Но пока не доведен до ума графический интерфейс, никто, кроме самого полковника, с системами «Американки» управиться не мог. Все данные пока приходилось вбивать вручную и построчно, создавая машинные коды для управления драйверами наземных лазеров.

Это была работа утомительная и кропотливая, требующая внимания, от концентрации иногда начинало рябить в глазах. Сначала создавалась математическая модель расположения объектов. Каждый оператор, ведущий по два обломка, вводил координаты, после чего просчитывалось состояние системы на момент лазерного импульса. Затем Бражников принимал решение, какие из обломков и как использовать. Они в виде математической модели также вводились в систему и обрабатывались серверными мощностями. Затем создавалась формула желаемого отклонения. Она просчитывалась и выводилась в виде наглядной симуляции с привязкой ко времени импульса. Результатом симуляции являлся необходимый для воздействия реактивный момент. Полковник передавал его оператору лазера, и тот задавал данные для вычисления мощности и длительности лучевого импульса, сверяясь с табличным значением материала того или иного обломка, его отражающей способности и прочих физических факторов.

Несмотря на работу системы кондиционирования воздуха, легче полковнику Бражникову не стало. Его то знобило, то кидало в жар, то и дело вырывался кашель. Голова тоже работала плохо. Но отменять столь важную серию экспериментов он не собирался.

«Надо взять себя в руки», – скомандовал себе.

Но сделать это оказалось намного труднее, чем подумать. Бражников понимал, что заболел. По всей видимости, сложилось несколько факторов, одним из которых, безусловно, стал алкоголь, а другим, скорее всего, сквозняк в квартире, когда, разгорячившись коньячком, полковник велел жене открыть дверь балкона. Летние ночи бывают коварны.

Собравшись, он передал оператору данные для формирования импульса. Компьютер начал обратный отсчет, после которого, в строго заданный момент времени, вычисленный с точностью до миллисекунды, сработал лазер, установленный в горах на Алтае.

– Есть попадание! – сообщил оператор. – Погрешность минус тридцать процентов.

– Компенсировать! – закашлявшись, приказал Бражников.

Вентиляторы серверов гудели, отводя тепло от нагруженных серверов. Механики, заметив прирост температуры, подключили дополнительную мощность от резервной цепи.

«Шустрых бандерлогов натаскал Еремееenko», – с благодарностью подумал Бражников, глянув на моргнувшие индикаторы.

Глаза у него слезились, веки припухли, начинала болеть голова.

– Есть расчет компенсации! – доложил оператор. – Обратный отсчет!

Второй импульс лазера добавил энергии обломку и вывел его на расчетную орбиту.

– Симуляцию на монитор! – приказал Бражников.

Операторы тут же ввели новые данные по всем ведомым объектам, создав массив для просчета симуляции изменившегося состояния системы.

После первого штатного столкновения начался космический бильярд, обломки меняли орбиты, сталкивались один с другим на строго рассчитанных скоростях, передавая заданную долю кинетической энергии. Но не в этом заключалась суть сегодняшнего эксперимента. Это уже неоднократно удавалось группе Бражникова со все большей точностью. Во время текущей серии полковник собирался вторгнуться в созданный им управляемый хаос еще одним объектом, чтобы проверить оперативные возможности системы в предельно сложных условиях.

– Загоняйте данные реперных точек с шагом в тридцать секунд! – приказал Бражников операторам.

Сам он, несмотря на ухудшающееся состояние, пытался выбрать самый подходящий из еще не использованных обломков.

– Работаем с обломком четыре-два, – сообщил наконец.

– Есть! – ответил оператор, в чье ведение входил выбранный объект.

Его пальцы застучали по клавишам, вводя данные для вычислений. Бражников потер лицо руками, ему становилось все хуже. Резко закружилась голова, из горла вырвался болезненный кашель. Во рту остался кровавый привкус.

«Что за черт? – с испугом подумал Бражников. – Может, что-то серьезное?»

Но когда на мониторе возникла симуляция столкновения, на основе которой рождались данные реактивного импульса, полковник отогнал тревожную мысль и сосредоточился. Считав параметры импульса, он передал их оператору лазера и решил доложить в штаб о резком ухудшении самочувствия.

– Есть попадание! – сообщил оператор. – Погрешность плюс шесть процентов.

«Шесть процентов, немного, – подумал Бражников. – В пределах допустимого».

Но, глянув на монитор, где менялось состояние всей системы, он оторопел. Обломок, вместо того чтобы плавно выйти на заданную орбиту, частично разрушился, а то, что от него осталось, набрало приличную скорость и по спирали начало удаляться от земли.

– В чем дело? – воскликнул Бражников.

На него все обернулись, ничего не понимая толком. Никто из операторов не знал, какой именно цели хотел добиться полковник, куда хотел отклонить обломок. Поэтому лишь по его виду все поняли, что произошла какая-то ошибка.

– Данные объекта четыре-два на расчет! – приказал Бражников, взяв себя в руки. – Полученные данные мне!

Серверы работали на пределе, вентиляторы прокачивали через систему кубометры охлажденного воздуха. В аппаратном зале было жарко, как в мартеновском цеху.

Когда данные о движении обломка поступили на монитор, Бражников сверил полученную орбиту с картой небесных объектов от смены наблюдателей. У него сердце замерло. Обломок, непонятно почему получивший значительно больший, чем надо, импульс, грозил столкновением с действующим американским спутником. Через сколько витков, и точно ли, это еще вопрос, требующий дополнительных вычислений, но уже ясно, что орбиты двух объектов пересекутся, и наступит это в течение ближайших суток.

Но что стало причиной? Поскольку обломок значительно потерял в массе, можно было предположить ошибку мощности и длительности лазерного импульса. Бражников хотел было рывкнуть на оператора, который ввел неверные данные, но закашлялся так, что заляпал монитор розовой пеной с неприятным привкусом.

– Есть у кого-нибудь платок? – Полковник взглядом обвел наблюдателей.

Все пожали плечами.

– Что не так с импульсом? – морщась от головной боли, спросил Бражников.

– Все в порядке! Погрешность ответной реакции в пределах шести процентов!

– А чего он скакнул, как пьяная лошадь?

– Ну, так импульс вы какой передали? Конечно скакнет! На порядок больше обычного!

– Черт... – Бражников потер глаза и вгляделся в цифры на мониторе. В голове сильно шумело, и цифры на экране расплывались.

Стало ясно, что это он ошибся, а не оператор. Получив вычисленные по его алгоритму данные импульса, он неправильно установил положение десятичной точки, когда передавал их оператору. А тот, конечно, ввел, как услышал.

«Естественно... – Полковник понимал, что винить некого. – Оператор не телепат. Он не мог знать, что именно я хочу сделать, какой импульс придать объекту. Не мог он и понять ошибочность данных, для этого нужно знать алгоритм расчетов и быть мной».

Оставалось лишь сосредоточиться и принять верное решение. Но это было чудовищно трудно. Руки и ноги словно налились свинцом, глаза резало, дыхание давалось с трудом, то и дело переходя в тяжелый мокрый кашель. Пришлось сходить за туалетной бумагой, чтобы вытереть монитор. Но это мало помогло, цифры двоились в глазах, как с перепоя.

Собраться с мыслями не получалось. Стоило начать прорабатывать какой-то вариант выхода из создавшейся ситуации, мозг начинал генерировать бредовые ассоциации, логика в них вязла, путалась, не давая довести идею до конца. Очевидно было, что нужен либо импульс, сравнимый по мощности с роковым, либо другой обломок, который способен уничтожить опасный объект. Но и для того, и для другого необходим был расчет. Точный расчет.

– Вас вызывает штаб! – донесся голос оператора.

– Что? – полковник все хуже воспринимал реальность.

Он взял трубку, дрожащей рукой прижал к уху.

– Слушаю, Бражников. Я не знаю. Видимо, заболел. Чувствую себя ужасно. Кто сообщил? Черт... Дайте мне полчаса, я выведу этот чертов обломок на безопасную орбиту. Что?! Нет, погодите. Что значит, заблокировали управление лазером? Какого беса? Как я исправлю ситуацию, если вы меня лишили главного исполнительного устройства?

Он закашлялся, заляпав рубашку пеной.

– Верните мне лазер! – потребовал в аппарат.

Видимо, ответ его разозлил. Бросив трубку, полковник откинулся на спинку кресла. Перед глазами плыли красные круги.

«Надо же, какая гадость... – подумал Бражников. – Евпаторийский центр им сообщил об опасной траектории обломка. Перестраховщики хреновы. Ну, сами теперь и рассчитывайте импульс. Вся методология у меня. И хрен с ней кто-то разберется».

Он снова закашлялся. На зеленой форменной рубашке остались капли розовой пены. Но определить цвет на экране бытового телевизора было очень сложно, поэтому Пичугин, закончивший смотреть запись, лишь недоуменно хмыкнул.

– Что с ним? – осторожно спросил он у Ковалева.

– С этим сейчас разбираются. Дистанционно.

Пичугин удивленно поднял брови.

– Да, дорогой мой, бункер вскрывать не стали. Одна из версий – применение неизвестного бактериологического оружия. Никто, как ты понимаешь, не будет рисковать целым гарнизонам. Так что их заперли там, до выяснения обстоятельств. Но меня волнует другой вопрос. Не что с Бражниковым, а почему, и почему вдруг именно сейчас?

Пичугин напрягся. Тон куратора ему не понравился. Сквозила в нем угроза, хотя и не явная. Ковалев смерил агента взглядом и сказал напрямик:

– Я не верю в случайности. Бражников или отравился, или заболел. И то и другое время от времени случается с обычными людьми.

– Время от времени? – Пичугин нашел в себе силы усмехнуться. – Миллионы людей от этого умирают.

– Обычных людей. – Ковалев кивнул. – Но Бражников ведь к ним не относится. А уж то, что происшествие случилось в бункере, во время выполнения серии экспериментов, исклю-

чает, на мой взгляд, элемент случайности полностью. Понимаешь, у меня такая работа. Если где-то запахло серой, я просто обязан не обдумывать версии, а тут же принять самую страшную, то есть появление самого дьявола. И действовать исходя из этого. В данном случае я обязан принять версию террористического акта. Ты понимаешь, что это значит для тебя лично?

– Понимаю, – со вздохом ответил Пичугин. – Получается, что кому-то стало известно об изысканиях Бражникова, а я это проглядел.

– Именно так. Соображаешь. Хреновое дело, да?

– Хреновое, если это диверсия.

– А у тебя, значит, сомнения? – Ковалев вздернул брови.

– У вас ведь тоже сомнения, – спокойно ответил Пичугин. – Если бы у вас не было сомнений, вы бы сейчас уже озвучивали отчет в штабе, а не беседовали со мной. Максим Константинович, меня, чтобы мотивировать, совсем не обязательно брать за яйца, как вы привыкли. Я и так в достаточной мере мотивирован на сотрудничество с вами. Никогда и никому не давал повода считать себя скотиной неблагодарной.

– Ладно, остынь! – Ковалев усмехнулся, чтобы снять возникшее напряжение. – Привычка чекиста, ты же понимаешь. Видишь яйца, возьми в руку, а если взял, то сожми их, да покрепче. Тем более что один-то случай был. А такое пятно, сам понимаешь, смыть о-очень сложно.

– Я понимаю. Потому и говорю, что со мной это излишне. Если вам нужна моя помощь, я с удовольствием впрягусь без всех этих мотивирующих приемчиков, которые я, как и вы, проходил. А случай, который вы вспомнили, – это рок, невезуха, куча дерьма, в которую любой может вляпаться. И я за него уже расплатился с лихвой. И карьерой заплатил, и здоровьем. Хотя по выслуге мог бы уже до полковника дослужиться, а сейчас так и застыл на капитане запаса. Этого мало?

– Хорошо, хорошо. Я действительно хочу быть уверен. Ибо, если я заявлюсь в штаб с отчетом о вероятном применении бактериологического или химического оружия на сверхсекретном объекте, а потом это окажется ошибкой, меня самого возьмут за упомянутый тобой мотивирующий орган. Видишь, дорогой мой, я играю с открытыми картами. Так что хватит дуться. Не мальчики оба. И, поверь, даже если ты где-то что-то промучал, я не буду тебя за это пресовать. Но все обстоятельства выяснить надо. Чем скорее, тем лучше. Это ведь палка о двух концах. Перестраخуешься, поднимешь всех на уши без причины, дадут на орехи, сколько не унесешь. Но и если не отреагируешь вовремя на опасную ситуацию, получишь еще крепче. И еще, если я припомнил тебе старый грех, то и там, – генерал поднял палец, – припомнят.

– Но что конкретно вы от меня хотите? Я же не могу попасть в бункер и выяснить детали у Бражникова. Это вы бы и без меня сделали, если бы было возможно.

– Верно, – согласился Ковалев. – Но ты у нас в чем спец? В анализе разрозненных открытых источников. Подумай, на чем можно сфокусироваться, где ты или кто-то еще мог допустить прокол. Видео посмотри, может, заметишь какие-нибудь важные детали.

– Я уже заметил, – спокойно сообщил Пичугин. – На записи признаки болезни определяются только у Бражникова. Одно это ставит под большое сомнение если не теракт, то приращение бактериологического оружия именно по бункеру – точно.

– Э, погоди. При чем тут это? Ни бактерия, ни вирус сразу не действуют. У любой болезни есть скрытый, то есть инкубационный, период. У Бражникова симптомы уже проявились, у других нет...

– В том-то и дело! – Пичугин бесцеремонно перебил своего куратора. – Во сколько смена вошла в бункер?

– В девять ноль-ноль.

– А признаки недомогания у Бражникова когда проявились?

– Кашлять он, судя по записи, начал часам к пятнадцати. Еще до выхода объекта на опасную орбиту.

– Раньше, – уверенно заявил Пичугин. – Надо еще раз просмотреть, свериться с показаниями времени. Косвенные признаки недомогания у него видны намного раньше, где-то с двенадцати или около того!

– Что-то разглядел?

– Да. Мотайте назад, я скажу, где остановить. Еще. Еще. Стоп!

– Вот! Даже десять пятьдесят, – озвучил Ковалев цифру времени в углу экрана. – И что тут такого видно?

– Еще чуть назад, где полковник появляется в зале. Вот. Смотрите. Он садится, сразу распускает галстук и расстегивает рубашку.

В кадре Бражников перебросился парой фраз с оператором по поводу духоты, потом велел техникам включить кондиционеры.

– Тут он уже почувствовал себя плохо, понимаете? – Пичугин глянул на Ковалева.

Тот выключил звук, а запись оставил.

– Не совсем, – признался он.

– Смотрите. В девять утра Бражников заступает на смену. А через два часа, в одиннадцать, он уже ощущает признаки недомогания. При этом в пятнадцать часов, то есть еще через четыре часа, никто из операторов еще явно не болен. Ловите суть? Если был атакован бункер, то все должны были заразиться одновременно.

– Получается, поражен был только Бражников? – Ковалев хмыкнул. – Надо выяснить, существует ли вирус столь избирательного действия.

– Вряд ли. Вариантов может быть масса, но, в любом случае, я уверен, что это не теракт.

– Но если атаковали именно Бражникова?

– Это больше похоже на правду. Но тогда это скорее отравление, чем заражение.

– Час от часу не легче. Инъекция?

– А каковы показания самого Бражникова?

– В этом и беда. Он не способен давать показания. Он очень плох. Бредит.

– И вы не пытаетесь оказать ему помощь? – ужаснулся Пичугин.

– Пожертвовав при этом всем гарнизоном? А может, городом? Областью? Что нам известно? Ноль! Мы вскроем бункер, чтобы спасти одного человека, пусть очень важного для страны, для науки, для обороны. Но что будет дальше?

– Но если это отравление, а не зараза? Он умрет, не получив помощь, а как вы себя будете чувствовать? Вы говорили о преступности паникерства, но разве запереть бункер – не то же самое? Может, он алкоголем отравился, едой. Не думали?

– Черт! – Ковалев поднялся из кресла и принялся мерить шагами комнату. – Я думал, что положение крайне хреновое. Тут появляешься ты, и оказывается, что на мне лежит еще больший груз ответственности, чем поначалу. И никаких зацепок...

Пичугин молча взял пульт и принялся просматривать запись в ускоренном режиме. В некоторых местах он останавливался, перематывал назад.

Генерал заинтересовался, уселся в кресло.

– Какая-то идея? – осторожно спросил он.

– Ну, есть, что привлекло внимание, – уклончиво ответил аналитик. – Вспомнил я кое-что, очень старое и почти забытое. Но такое начисто не забывается.

– Хоть намекни! – взмолился Ковалев. – Пожалей мои нервы!

– Пока не могу. Слишком уж неожиданно оно прозвучит... Хотя... Вы же помните, чем я занимался в Семипалатинске?

– Работа с плутонием по программе разоружения? Ну да. Какое это имеет... Погоди! Ты думаешь, это воздействие радиации? Его облучили? Поэтому никто, кроме Бражникова, не болен? Неужели полонием траванули?

– Нет. Я как раз не уверен, что никто, кроме него, не болен. Сказал про алкоголь, а потом заметил... Вот, тут, смотрите. Оператор кашляет. Худенький, второй от Бражникова. И вот тут еще.

– Внимательность всегда была твоей сильной стороной. И хорошая память. Два кашляющих в одном бункере – многовато.

– Но состояние Бражникова, в любом случае, заметно хуже, – уточнил Пичугин. – Часто кашляет, рубашку расстегнул, галстук снял. Туалетную бумагу притащил. Это говорит, что, выходя из дома, он нормально себя чувствовал. И еще это говорит о том, что заражение произошло не в бункере. Еще утром эти самые операторы не кашляли. А уже к трем квелие. Видите?

– С самим заражением ты, значит, уже согласен?

– Да. Но оно произошло не в бункере. Раньше. Наиболее вероятно, что это нападение лично на Бражникова.

– Нападение? – Ковалев хмыкнул. – Ты же сам только что версию теракта отвергал. Что поменялось?

– Вспомнилось кое-что, я же сказал. И если я прав, то такую инфекцию на улице в Москве не подхватишь.

– Какую, не томи?

– Можно увеличить вот этот кадр? – Пичугин поставил видео на том месте, где Бражников вытер куском туалетной бумаги монитор, заляпанный мокротой при кашле.

– Увеличить? Это же видео, не фотка.

– Есть технология, которая собирает пиксельную информацию из серии кадров в одну фотографию высокой четкости. Астрономы этим пользуются...

– А, понятно.

Ковалев набрал номер, связался с кем-то и передал метку времени кадра, вызвавшего интерес у Пичугина.

– Время нужно, – сообщил Ковалев, отложив телефон на журнальный столик. – Полчаса, час. Результат пришлют.

– Хорошо.

Пичугин уселся на диван, но лицо его было столь сосредоточенным, что у Ковалева не осталось сомнений – подшефный до чего-то докопался. И это что-то выходит за рамки обыденности.

– Я слышал на видео, ему лазер отключили? – выйдя из задумчивости, спросил журналист.

– Да. Мало ли что.

– Кто-то еще может провести стабилизирующее воздействие на сошедший с орбиты обломок?

– Скорее всего, нет. Там куча расчетов, методология которых известна только самому полковнику.

– Тогда надо немедленно включить лазер и дать ему возможность, пока он еще в состоянии, увести обломок с опасной орбиты.

Генерал сжал губы, опустил взгляд и ответил:

– Он уже не в состоянии. То бредит, то мечется, как чумной, требуя как раз то, о чем ты только что сказал.

– Как кто? – Пичугин невесело усмехнулся.

– Не понял.

– Вы сказали, он мечется. Как кто?

– Как чумной... Блин, ты что, совсем трехнулся?

– Я видел это в Семипалатинске. Мне нужен увеличенный снимок, тогда я скажу точнее. У нас там салаги поймали нескольких сусликов, зажарили и сожрали. Двое ничего, а один... Тогда тоже никто ничего не понял, пока салага кровавой пеной харкать не начал.

– Так вот что ты хочешь увидеть на снимке?

– Не хочу. Это то, что я боюсь увидеть на снимке.

– Бред! Это ты, дорогой мой, перегрелся. Мы в Москве, а не в Семипалатинске и не на Алтае. А Бражников, извини, не вокзальный бомж.

Минут через десять у Ковалева зазвонил телефон. Он поговорил, затем открыл вторую комнату, в которой дверь до этого была закрыта. Там был установлен компьютер и еще ряд электронных модулей, назначение которых Пичугину было неизвестно.

– Лей, – велел Ковалев собеседнику по телефону.

Пичугин уселся за монитор, увеличил снимок. Ковалев крикнул от удивления. На туалетной бумаге, которой Бражников вытирал монитор, виднелись отчетливые розовые следы.

– Что-то похожее, но... – Ковалев упрямо помотал головой. – Я не могу это вывалить начальству! Вот ты сейчас, без преувеличения, дорогой мой, выглядишь в моих глазах идиотом. Наверняка есть еще до фига того, от чего человек может харкать розовыми соплями. Но я идиотом в глазах начальства выглядеть не то что не могу, а не имею права. Улавливаешь мысль?

– Их надо эвакуировать из бункера, – уверенно заявил Пичугин. – Иначе все умрут. И так же срочно надо выяснить, где он эту заразу подхватил. Наиболее вероятна ваша первоначальная версия. Теракт. Кто-то намеренно раздобыл штамм чумы и заразил полковника. Это логично, это наиболее вероятно. Но есть и другая вероятность. Ничтожно малая, но она есть. Это вероятность, что Бражников подхватил чуму в Москве. От официанта в кафе, от полицейского, который проверял у него документы, от таксиста, к примеру...

– Типун тебе на язык! – Ковалев изменился в лице. – Ты представляешь глубину жопы, меж двух половинок которой ты меня сейчас загоняешь? С одной стороны, я не имею права ставить всех на уши взятым с фонаря предположением. С другой, если описанное тобой правда, меня четвертуют за нерасторопность. Чет-вер-ту-ют! Ты меня понимаешь?

– Надо эпидемиологов подключить, у них есть специальные противочумные костюмы. Они могут взять анализы, и будут у вас доказательства.

– Чтобы их подключить, мне надо произнести слово. То слово, которое даже мы с тобой сейчас еще толком не произнесли. А это слово, само по себе, возлагает на того, кто его произнес, такую меру ответственности, что у тебя, дорогой мой, под ее тяжестью позвоночник в трусы осыплется.

– Чума... – хмуро произнес Пичугин.

– Вот! Ты можешь! Ты внештатный сотрудник. Как говорится в статье девятнадцатой закона о ФСБ, «лицо, оказывающее содействие». А я нет. У меня звездочки на погонах больше, чем у тебя рот откроется. И я не хочу их потерять.

– Значит, вам надо реагировать, – уверенно заявил Пичугин.

– Или сделать вид, что я не при делах, – высказал Ковалев свою версию. – В мои обязанности не входит курирование проекта «Американка». Я информационной безопасностью занимаюсь. И если бы Бражникову на Алтае лазер не отключили, и если бы это не прошло через подотчетную мне информационную структуру, я бы о происходящем в бункере вообще не знал. И знать я этого не обязан. Пусть с этим разбираются те, кому положено. А с тебя я возьму клятвенное обещание, что ты об этой нашей встрече и о том, что мы смотрели с тобой это видео, никогда никому не расскажешь.

– Время упустим, товарищ генерал! – взмолился Пичугин.

– Да, по большому счету, я в это вообще не имею права лезть, несмотря на мой допуск к секретности. Я тебя должен курировать и информационное пространство. Все.

Он еще не закончил говорить, когда у него на столике зажужжал телефон. Ковалев посмотрел на экран, номер незнакомый.

– Интересно... – произнес он и ткнул пальцем в иконку ответа на вызов. – Я слушаю.

Он намеренно не представился неизвестному абоненту, стараясь с ходу выяснить максимум о собеседнике.

– Максим Константинович?

Голос в трубке был женским и очень приятным, несмотря на заметные стальные нотки. Такой голос может быть у женщины, много на своем веку повидавшей, или у высокой начальницы. Но, несмотря на равнодушное отношение к женскому полу, Ковалев встревожился.

– Да, с кем имею удовольствие общаться? – Генерал ответил в тоне заигрывания, чтобы не показать истинных эмоций, охвативших его.

Но сердце его забилося чаще совсем не от предвкушения нового романтического знакомства.

Глава 4

В которой в Москве обнаруживают больного чумой таксиста, и никто не может понять, как он сумел заразиться. Сотрудники Роспотребнадзора, МЧС и МВД ищут пассажиров такси, но главный специалист НИИ чумы Наталья Евдокимова решает эту проблему по-своему.

Кабинет руководителя Роспотребнадзора Остапа Тарасовича Думченко позволял собрать и большее число посетителей, чем уже разместилось за огромным овальным столом. За ним уже заняли места приглашенные специалисты, среди которых выделялся седовласый академик Олейник, а рядом с ним заместитель начальника Московского управления МЧС Левон Рубенович Тумасян, смуглолицый, с носом, похожим на орлиный клюв. Позади сидел руководитель спецгруппы МУРа молодой и подтянутый генерал Головин Виктор Владимирович, одетый в штатское, дальше главный специалист-эпидемиолог, заместитель по организационно-методической работе НИИ чумы, довольно молодая на вид женщина, Евдокимова Наталья Викторовна. Также были вызваны и вот-вот должны были подъехать главный врач станции «Скорой помощи» Федоров, начальник инфекционного отдела СМП Моисей Наумович Пивник и начальник оперативного отдела СМП Борис Иванович Блинов.

За спинами собравшихся, у дальней стены кабинета, трое рабочих в синих комбинезонах вели монтаж систем связи и компьютерной аппаратуры, необходимой для работы штаба ТОРС⁴, который только начал формироваться.

На Вадковский переулочек, дом восемнадцать, съезжались все, кто был перечислен в списке руководителей служб согласно «протоколу выявления предполагаемого очага особо опасной инфекции». Ждали заместителей министров здравоохранения Москвы, области и России. Из переулка эвакуаторы растаскивали припаркованные машины преподавателей и студентов СТАНКИНА, а на Новослободской улице как из-под земли возникли посты ДПС.

Кондиционер работал на пределе. Несмотря на стекающий поток ледяного воздуха, многие из участников экстренного совещания потели. Все они люди опытные и готовились к худшему, а нервы все же брали свое. Жизнь уже научила, что чем позже начнешь действовать, тем сложнее и дороже обходится борьба с болезнью и тем больше пострадавших.

Марина Геннадьевна Свиридова – дежурный эпидемиолог РПН, получила сообщение о подозрении на ТОРС чуть больше часа назад и сразу доложила руководителю РПН, а тот вызволил всех членов постоянно действующей комиссии по Особо опасным инфекциям. На сбор понадобился час. Но он не прошел даром. Свиридова получала текущую информацию и организовывала требующиеся эпидемиологические мероприятия. О чем теперь и докладывала:

– Ширяев Фарид Алиевич, пятьдесят пятого года рождения, проживающий в Москве с семьдесят седьмого года, гражданин России, москвич, вдовец, живет один. Отдельная однокомнатная квартира по адресу: улица Ангарская, одиннадцать. Работает таксистом в фирме «Желтый дилижанс». Обратился в службу «Скорой помощи» в двенадцать часов тринадцать минут. Пожаловался на высокую температуру, кашель, головную боль и боль в груди. В двенадцать тридцать по адресу проживания прибыла бригада 213 «Скорой помощи» десятой подстанции в составе фельдшеров Ипатов и Ганичкиной. Старший в бригаде Ипатов. При осмотре, – доктор приподняла копию карты вызова, чтобы лучше рассмотреть написанное, – жалобы на озноб, боль в груди, кашель, слабость, головокружение. Заболел остро, около десяти часов утра. Началось, по его словам, с потрясающего озноба. Принял фервекс, незначительное улуч-

⁴ Тяжелый острый респираторный синдром – обобщенное название для легочных форм особо опасных инфекций, к ТОРС добавляется код болезни по МКБ-10 – международной классификации болезней. Для чумы А20, при легочной форме – А20.2.

шение, состояние ухудшилось к 12.00. В анамнезе, – Марина Геннадьевна сделала паузу, вчитываясь в почерк фельдшера Ипатов, – так, вот, гипертоническая болезнь два-два, риск три, вот – эпидемиологический анамнез не отягощен.

На этих словах главный врач «Скорой помощи» довольно хмыкнул. Дрессировка рядовых сотрудников дает свои результаты. Ребята действуют строго по инструкции, может, и не спросили, выезжал ли куда-нибудь больной из России в течение последних двух недель или месяца, но запись сделали.

– Объективно: состояние больного тяжелое, – продолжила Свиридова. – Сознание спутанное, дезориентирован, кожные покровы гиперемированы, влажные, горячие, чистые, сыпи нет, температура сорок и одна десятая, лимфоузлы не пальпируются, в легких дыхание поверхностное, частота двадцать четыре в минуту, обильные влажные хрипы над всей поверхностью легких. Кашель продуктивный, влажный, мокрота жидкая пенистая. Давление девяносто на пятьдесят пять, пульс сто тридцать семь ударов в минуту. На ЭКГ – синусовая тахикардия. Я не буду всю карту читать, только то, что важно. Неврологическая симптоматика: в позе Ромберга неустойчив, ПНП не выполняет, на вопросы отвечает с трудом. Так, вот тут, Ипатов ставит диагноз: двухсторонняя пневмония, отек легких токсический и звонит в оперативный отдел. Он доложил ситуацию дежурному врачу...

Блинов кивнул, но прерывать Свиридову не стал и от дополнений воздержался.

– Так... – Она нашла нужную страницу. – Было приказано получить место в ближайшей больнице и госпитализировать больного в реанимационное отделение. Ближайшая, это у нас городская больница восемьдесят один. В тринадцать часов тридцать три минуты Ширяев поступает в РАО ГБ 81 с диагнозом: «Двухсторонняя септическая пневмония, отек легких». По «Скорой» был введен баралгин внутримышечно, установлен внутривенный катетер и капельница с раствором Рингера. В момент госпитализации температура снизилась до тридцати восьми и двух. Больной осмотрен дежурным реаниматологом, заведующим отделением РАО и дежурным терапевтом. Совместный осмотр привел к диагнозу: «Тяжелый респираторный синдром». Но под вопросом. Терапевт Семиряга Артур Сергеевич, бывший заведующий терапевтическим отделением ЦРБ Горноалтайска, в Москве живет третий год, заподозрил легочную форму чумы и высказал предположение во время обсуждения. Мнение не поддержано коллегами. Но слово сказано. В дальнейшем ситуация была доложена заместителю главного врача ГБ 81 и главному инфекционисту. Больной осмотрен инфекционистом больницы, после чего сформулирован окончательный диагноз: «Тяжелый респираторный синдром, септическое течение, шок инфекционно-токсический, подозрение на форму А20,2».

Марина Геннадьевна заметно нервничала, но старалась этого не показывать. Впрочем, нервничали, в той или иной степени, все.

– Приняты меры... – Свиридова перевернула еще одну страницу. – Отделение РАО взято на карантин, открыто альтернативное отделение из врачей, не участвовавших в осмотре Ширяева. Все, кто входил к Ширяеву не в противочумном костюме, изолированы в РАО. Сейчас идут меры по дезинфекции, Ширяев получает антибиотики и симптоматическую терапию. Лечащие врачи тоже, и средний медперсонал: постовая сестра РАО, анестезистка и палатная медсестра. В инфекционной больнице номер один расконсервирован корпус на сто коек, туда помещены: бригада «Скорой помощи» 213, то есть фельдшеры Ипатов и Ганичкина, а также водитель Самсонов. Осмотрена и опечатана квартира Ширяева совместно с участковым полицейским, сотрудники санэпидемслужбы РПН, бригада инфекционного отдела.

Пивник кивнул.

– Изъяты личные вещи, одежда, белье, квартира обработана антисептиками, опечатана, – Свиридова читала все быстрее. – Идет работа районного инфекциониста с жителями подъезда. Пока все оформлено как учебно-тренировочные мероприятия. Теперь важное, что касается оперативных перспектив. Связались с диспетчерской службой такси «Желтый дилижанс»,

получили адреса и телефоны заказчиков с 21.00 вчерашнего вечера до 9.00 сегодня. Всего семь человек, адреса и телефоны есть. Нужно начать карантинные мероприятия. Пока нам неизвестно на сто процентов, что за возбудитель инфекции, откуда Ширяев им заразился. Результаты микроскопии мы получим в течение часа, еще шесть часов нужно на минимальный цикл бактериологического исследования возбудителя.

Дежурный эпидемиолог положила листы на стол.

– Вот пока все. Руководство восемьдесят первой готово расформировать корпус хирургии, но на это нужно время. Вывезти пятьсот человек больных, остановить операции, на это нужно время, и если не подтвердится инфекционность бактериального процесса, то...

– Что значит «то»? – подал голос Олейник. – Давайте всегда исходить из очевидного, что мы имеем дело с самой страшной инфекцией в истории человечества. Только так мы сумеем ее опередить и победить. А сейчас у нас ничего нет, кроме одного больного в тяжелом состоянии. Кстати, он ничего не сказал, где он мог заразиться?

– Нет, – отозвался дежурный врач оперотдела СМП Блинов. – Я немного в курсе ситуации на вызове. Ипатов при мне, то есть я слышал его разговор, расспрашивал Ширяева, контактировал ли тот с больными. Больной ответил, что нет. Но я не уверен во вменяемости Ширяева на тот момент. Он вообще плохо отвечал на вопросы, каждая попытка говорить вызывала кашель.

– Вы консультировали Ипатова? – спросила Наталья Евдокимова.

– Нет, я послушал запись его разговора с дежурным врачом оперотдела. Там не было сделано никаких ошибок.

– Кроме одной, – поморщившись, возразила Наталья. – ТОРС можно было поставить еще дома, и тогда Ширяев не стал бы причиной блокирования целого корпуса в обычной больнице. А сейчас осторожность ваших ребят привела к тому, что хирургический корпус городской больницы в северном округе закроется на две недели минимум. Формально на внеплановую мойку, а фактически на карантин и лечение чумных пациентов. Я не ставлю под сомнение квалификацию бригады, они все сделали очень грамотно, но побоялись заподозрить чуму, перестраховались, что называется, не в ту сторону. И вот результат. Ладно. Это скорее на будущее. Сейчас Ширяева трогать нельзя, как минимум дней пять, чтобы перевезти в специализированную больницу. Конечно, если он не умрет раньше. Марина Геннадьевна, узнайте, пожалуйста, как дела с микроскопией? Что там на стеклах?

– Наталья Викторовна, я лабораторию предупредила. Образцы мокроты доставили сразу из восемьдесят первой, как только доложили нам о ТОРС. Должны принести результаты с минуты на минуту.

Она еще говорила, когда на пороге кабинета появился заведующий бактериологией и, стараясь не отвлекать, положил перед Думченко лист. Тот глянул на запись и рисунки, молча пустил по рукам лист. Когда бумага дошла до Евдокимовой, та встала и произнесла:

– Иерсиния пестис⁵, девяносто процентов. Не будем ждать окончательной серологии, нужно запускать протокол по форме «А20.2» и совершенно официально.

– Паника будет, – негромко произнес Думченко.

– Это не самое страшное. Страшно будет упустить хотя бы одного инфицированного. У нас нет ни минуты, пока мы не знаем, кто и как заразил Ширяева. Нельзя исключить теракт. Например, пассажир такси распылил аэрозоль с бактериями в салоне машины. Кстати, где его автомобиль?

Марина Геннадьевна побледнела и ответила:

– Мы ее доставили на санобработку на площадке инфекционной больницы.

– Она работала? Машина стояла или использовалась? Это же стопроцентный очаг инфекции. Все, кто в ней побывал, должны сегодня же быть взяты под карантин.

⁵ Палочка чумы.

– Я выясню. – Свиридова направилась к двери. – Ширяев ее отогнал к парку, откуда мы ее и забрали. А вот пользовался ли ею кто-нибудь, надо выяснить.

– Марина Геннадьевна, заодно узнайте, как идет карантинизация всех пассажиров Ширяева за эту ночь. Есть ли проблемы?

Начальники во время доклада и разговоров врачей-эпидемиологов не вмешивались. Генерал Головин делал пометки в блокноте. Когда Свиридова вышла, произнес тяжелым басом:

– Значит, Наталья Викторовна, вы не можете исключить, что возможен теракт? Но почему в такси? Резоннее предположить, что бактериологическую атаку выгоднее произвести в людном месте, в кинотеатре, в супермаркете, ну я не знаю... на каком-нибудь конгрессе. Чтoб сразу человек триста накрыть. А зачем нужен один таксист?

– Я не знаю, почему гипотетический террорист поступил именно так. Возможно, но это лишь предположение, что его целью был некий конкретный человек. Или сам таксист, или второй пассажир, который ехал дальше. Может быть, утечка инфекционного агента произошла в такси случайно? И нам надо поблагодарить Бога, что все случилось так, как случилось, а не так, как планировали вероятные злоумышленники? Допустите только, что один из пассажиров вез контейнер с культурой чумы к месту совершения террористического акта, и она пролилась, или была выброшена в виде водно-воздушной смеси в такси случайно. Это значит, что в ближайшие сутки-двое мы можем обнаружить массовую вспышку чумы среди заразившихся в каком-нибудь людном месте. Вы можете посчитать мои слова абсурдом или наоборот, весьма вероятным сценарием развития событий. Я думаю, из-за несанкционированной утечки препарата вероятные террористы или спрячутся, или, наоборот, в срочном порядке произведут теракт с этим же возбудителем. Впрочем, это больше по вашей части, генерал. – Наталья сделала короткую паузу, ее очень внимательно слушали. Затем продолжила: – Зато я, как клиницист, знаю, что легочная форма чумы может возникнуть, только если человек вдохнет воздушно-капельную смесь, содержащую палочки чумы. А это значит, или кто-то накашлял на Ширяева, или выпустил в салон его машины заранее подготовленный аэрозоль с инфекцией. Например, выходя из машины. Это может частично убереечь распыляющего от заражения. Теперь мы представляем вирулентность чумы, и ее инкубационный период составляет от двенадцати до двадцати четырех часов при воздушно-капельном заражении. То есть инфицирование Ширяева произошло где-то около двадцати двух часов, в воскресенье. Естественным образом подозрение падает на пассажира, заказавшего такси в этот период. Если это вообще был пассажир и мы не ошибаемся кардинальным образом. Нужно выяснить, где был Ширяев все воскресенье. И это должны сделать ваши люди, генерал. Опросить всех, кто знаком или в родстве с больным. В разговоре слово «чума» не употребляйте, говорите... Ну, например, вирусная пневмония, возбудитель не найден, а мы выясняем все возможные источники.

– Что вы думаете насчет вакцинации контактных? – подал голос представитель МЧС. – На складах есть вакцина, по моим данным, порядка миллиона доз...

Олейник крикнул. Наталья поняла причину этой реакции, но не стала вмешиваться, раз уж взял слово академик, пусть он и объяснит.

– Понимаете, Левон Рубенович, вакцина Хавкина не является панацеей. Дело в том, что она не дает гарантии, что инфицированный не заболеет и даже что перенесет болезнь легко. Все, чего можно добиться наверняка, – это удлинение инкубационного периода до недели, более легкого течения и снижения смертности процентов на двадцать. Обычным доксициклином мы за неделю добиваемся успеха в лечении на девяносто пять процентов. – Он обернулся к Евдокимовой. – Наталья Викторовна подтвердит. Вакцину нужно вводить за неделю-две до вероятного контакта, это во-первых. Во-вторых, вакцина повышает гуморальный иммунитет, а инфекция в большей степени гноеродная, и нужно активировать макрофагально-фагоцитарную систему. Этого вакциной, к сожалению, не добиться. Так что если и вакцинировать, то всех медиков, кто будет работать в очагах. Больным и карантинным это не нужно. А сейчас,

я полагаю, коллеги, нужно во всех учреждениях проинформировать о повышении внимания ко всем случаям респираторных заболеваний, особенно на атипичное течение, на тщательный сбор эпидемиологического анамнеза. И вот что. Может быть, раз уж восемьдесят первый корпус заражен, использовать его для размещения всех контактных? Оборудовать двери замками, установить посты. Сами понимаете, готовое здание на шестьсот коек на улице не валяется. Стоит ли ему простаивать две недели вхолостую? Давайте подумаем над этим. Если Наталья Викторовна права, то Ширяев первый, но не единственный больной. И количество заболевших будет десятки, а контактных сотни.

– Я более чем уверена в этом, – призналась Наталья. – Если бы речь шла о заболевшем ночном стороже на полузаброшенном складе строительных материалов, то ситуация была бы одна. Мы бы имели возможность отследить и поместить в карантин всех контактных, и было бы их не более пяти человек. Но речь идет о таксисте, отработавшем смену. К тому же клиенты, которых он неизбежно заразил, так же неизбежно вступят в контакт со знакомыми, близкими, уже после поездки. Они не сразу будут заразными, но пока мы о них не имеем никакого представления. Сколько их? Десять, двадцать? Со сколькими они уже вступили в контакт? Где они? Может, уже чихают и кашляют чумной палочкой в вагоне метро...

– Не нагнетайте, – попросил Олейник. – Нервы и так у всех на пределе.

– Я и не думаю нагнетать! – возразила Наталья. – Я обрисовываю картину, с чем нам, скорее всего, придется столкнуться. Для чего? Чтобы наладить оперативную работу через представителя МВД, чтобы подумать, где взять площади, мощности, людей, время. Думать об этом надо сейчас, а не когда отовсюду пойдут сообщения о заболевших. Это чума. И если случай с Ширяевым окажется единичным, по какому-то невероятно счастливому стечению обстоятельств, то мы сможем вздохнуть свободно. А до этого необходимо сохранять предельную сосредоточенность, предельную внимательность, предельную работоспособность. И не надеяться, дескать, авось пронесет. Иван Иванович, вспомните две тысячи второй год, Казань... тогда их ЦМК⁶ сработал очень оперативно – и пробирку нашли с культурой холеры. Давайте исходить из наиболее опасных вероятностей и причин. Предлагаю корпус восемьдесят первой больницы перепрофилировать под нужды штаба ТОРС, раз уж так получилось. И приказ об этом отдать немедленно. Отправьте рабочих и техников для организации всего необходимого в корпусе.

Олейник молча кивнул, вспомнив ситуацию с холерой в Казани. Наталья, тогда еще лаборант кафедры микробиологии, предложила профессору пнуть в Казани кого надо, чтобы там смогли допустить не случайность, а злую волю. И нашли ведь эту злую волю, нашли пробирки с остатками культуры в водоохранной зоне! Это был один из многих случаев, в которых Олейник отмечал поразительную и малообъяснимую, для человека с научным складом ума, интуицию Натальи. Иногда казалось, что она что-то недоговаривает, что владеет какими-то дополнительными каналами получения информации, которые не может выдать по каким-то своим, глубоко личным, причинам. Но Олейник слишком хорошо знал Наталью, чтобы всерьез допустить намеренное сокрытие данных. Скорее она сама не всегда понимала, что является причиной того или иного яркого озарения. Олейник предполагал, что ее мозг просто обладает удивительной способностью собирать крайне разрозненную информацию, даже не интерпретируемые обрывки такой информации, а затем вписывать в общую картину и делать выводы.

Из воспоминаний Олейника вывел голос генерала Головина.

– Я тогда, с вашего позволения, откланяюсь и пойду отдавать распоряжения. – Представитель МВД поднялся из-за стола. – Надо узнать в таксомоторной фирме, сколько у Ширяева было клиентов, с каких номеров прошли вызовы, откуда и куда пассажиры совершали поездку.

⁶ Центр медицины катастроф Республики Татарстан.

А потом уже посылать по всем адресам участковых. С учетом некоторой, если так можно выразиться, секретности, задача непростая.

Когда он покинул зал, на ходу доставая из кармана мобильник, Думченко негромко хлопнул ладонью по столу.

– Вы правы, Наталья Викторовна. Нужно держать себя в тонусе. Но сейчас ситуация не очень благоприятная. Мы все в подвешенном состоянии. И так продлится все время, пока мы вынуждены ждать информации от оперативных групп и врачей из инфекционной больницы, из восьмьдесят первой, и у нас есть несколько минут. Коллеги, я понимаю, что кто-то из вас не успел не только поужинать, но и пообедать, у нас сегодня, по случаю ЧП, буфет будет работать круглосуточно. Если кто-то хочет перекусить – пожалуйста, для работников штаба все даром, то есть бесплатно. Там бутерброды, чай, кофе...

За овальным столом началось движение, несколько человек поднялись и покинули кабинет. Наталья, подумав, последовала за ними. В коридоре было слышно, как Головин отдает по телефону распоряжения подотчетным полицейским чинам. Он говорил отрывисто, но при этом весьма цензурно, надо заметить.

Воспользовавшись небольшим перерывом, Наталья позвонила родителям, узнала, как они себя чувствуют, как прошел день, чем занимались. Выслушала привычное: «Все хорошо, Наташа. Я в огороде, папа в гараже что-то мастерит».

Есть ей не хотелось, к тому же все-время беспокоило ощущение, что происходит что-то, чего они не учли, не увидели, не заметили. Привычно для таких случаев поднялся уровень адреналина, начало немного знобить.

Головин продолжал говорить по телефону, но Наталья слышала не только его приглушенный из приличия бас, но и что ему отвечал собеседник. Разобрать слова, искаженные крошечным динамиком смартфона, было непросто, но, как всегда в таких случаях, мозг Натальи словно переходил на другой режим, улавливая, вычленяя, анализируя.

Отменный слух Натальи не раз ее выручал, а у коллег вызывал удивление, как хороший фокус в исполнении даровитого уличного мага. В экспедициях о ней ходила шутка: «Чумная блоха еще кусает суслика, а Евдокимова слышит, как тот матерится!» Кроме шуток, Евдокимова, например, слышала машину,двигающуюся по степной дороге, задолго до того, как ее крыша показывалась из-за холмов, и безошибочно отличала пустые норки сусликов от заселенных.

«Обстановка такая, что Головин будет искать контактных до бесконечности, – подумала Наталья. – А надо действовать очень быстро. Время работает против нас. Нужен более жесткий подход».

Она просмотрела контакты в памяти телефона, нашла нужный номер и нажала иконку вызова.

Наконец в трубке отозвался знакомый голос.

– Наташенька? Здравствуйте!

– Здравствуйте, Василий Федотович!

– Все нормально? Все здоровы?

Наталья улыбнулась. Ее собеседник всегда производил впечатление доброго деревенского дедушки-священника, а однажды она заметила какое-то едва уловимое сходство профессора Лемеха со святым Серафимом Саровским.

– Не совсем, Василий Федотович. Честно говоря, я, при всем уважении, не имею права рассказывать, что именно произошло. Скажу только, что сложилась серьезная ситуация, и, вы только не удивляйтесь, мне сейчас очень нужен телефон генерала Ковалева.

– Наташа, одумайтесь! Зачем вам этот негодяй? Вы же понимаете...

– Василий Федотович, я все прекрасно помню и ничего не собираюсь прощать, но сейчас обстоятельства его никаким боком не касаются, он мне нужен лишь как один из высших чинов

ФСБ с уникальными возможностями. И только. Тем более что он сам предлагал помощь еще тогда. Вот пусть помогает.

– А у меня нет его номера, Наташа. Он же был в старом моем аппарате, который я отдал Мише, и не знаю, где он. Так что, простите, но помочь мне нечем. Я только предостерегаю вас, берегитесь этого человека. Он коварен и опасен. Я бы не доверял ему ни на микрон. Понимаете?

– Понимаю, Василий Федотович. Но ситуация грозит выйти из-под контроля, я не знаю, с кем можно еще связаться, чтобы предотвратить развитие очень опасных событий.

– Обратитесь в ФСБ по инстанциям! Вы же официальное лицо!

– Вот этого бы не хотелось. В первую очередь потому, что у меня нет надлежащих санкций от моего начальства. А во вторую, придется долго объяснять. Мы потеряем время, а именно его у нас сейчас нет.

– Ох... Мне кажется, вы затеяли опасную игру.

– Нет. Я очень хорошо понимаю, что делаю и зачем.

– Да. Наверное. Вы всегда были умницей. Но вы уверены, что Ковалев вам поможет? Что не вывернет опять все наизнанку, как в тот раз? Ведь Миша погиб из-за него.

– Я все помню, – повторила Наталья. – Спасибо. Простите за беспокойство.

Она добралась до своего кабинета в этом же здании, отворила дверь и сняла со шкафа картонную коробку с разным электронным хламом, который выкинуть не поворачивалась рука, а потом становилось не до него. Порывшись, чуть ли не с самого дна она вытянула телефон «Моторола» с четырехстрочным монохромным экраном и зарядное устройство к нему. Включила в розетку.

Первой мыслью было позвонить прямо с этого аппарата. Генерал тогда перепугается до поноса... Звонок от покойничка! Он-то считает Лемеха погибшим. Но, нет, это была бы глупая ребяческая выходка. Тем более что номер уже давно заблокирован за неуплату. Зато в его памяти можно будет найти контакт Ковалева. Ведь это именно тот аппарат, о котором только что говорил Василий Федотович Лемех. Именно тот...

Пятнадцать лет назад Наталья встретила с Ковалевым. Оба знали, что друг другу верить нельзя. Но, прощаясь, генерал, словно в издевку, дал ей свою визитку и сказал: «Позвоните, когда будет нужна помощь».

Наталья выбросила картонный прямоугольник с телефонным номером сразу, как оказалась на улице. Слишком сильна была ненависть к Ковалеву. Миша тогда мог его убить, но не убил. Чистые руки. Может, зря? Он, подстраховывая Наталью, держал генерала на прицеле снайперской винтовки. Генерал это понял или почувствовал. Очень опасная тогда получилась игра. Да и не игра вовсе.

Наталья принялась перебирать записи в памяти телефона. На зеленом экранчике появилась надпись латиницей «Kovalev» и номер. Переписав его на листок, Наталья сложила телефон и зарядку обратно в коробку. Привычка. Каждой вещи положенное ей место. А вот выкинула бы его?

Старые, давно пережитые эмоции с новой силой нахлынули на женщину, но она вынырнула из них, как опытный серфер выныривает, если его накроет волной. Не время сейчас.

Она набрала номер с листочка, не особо надеясь на удачу. Все же прошло пятнадцать лет. Пятнадцать. Это не шутка. За такое время меняются люди, судьбы, привычки, мировоззрения, а не то что номер телефона. Но генерал ФСБ – случай особый. Да и номер прямой, московский. Недобитое в девяностые бандючие такие номера брало для понтов, но для Ковалева, конечно, это был вопрос удобства. И есть вероятность, что за полтора десятилетия, меняя телефоны и SIM-карты, телефон он сохранял каждый раз. Такая стабильность вполне в его духе.

К счастью, потянулись длинные гудки. Это означало, что номер не снят с обслуживания. Уже хорошо. Долго ждать не пришлось. Для Ковалева ее номер незнаком, если сразу не возъ-

мет, значит, чего-то боится и пробивает звонящего. Если сразу примет вызов – совесть чиста. Хотя в отношении Ковалева это вряд ли. Скорее, ему тогда нечего или некого бояться. Так правильнее.

– Я слушаю! – раздалось в трубке.

Наталья почти не помнила его голос, все-таки полтора десятка лет не общались, и тогда он был моложе.

– Максим Константинович?

– Да, с кем имею удовольствие общаться? – Генерал всегда был не равнодушен к женщинам. В этом он тоже сохранил стабильность.

– Меня зовут Наталья Викторовна Евдокимова.

– Откуда у вас этот номер, Наталья Викторовна?

Вряд ли генерал помнит ее имя, и вряд ли оно что-то ему говорит. Забыл, забыл. Или прикидывается, ждет реакции? Да и голос у Натальи изменился, конечно, жизнь и потери добавили в него хрипотцы и металла.

– Вы мне его сами дали, Максим Константинович. Вероятно, забыли. Мы с вами встречались пятнадцать лет назад, и вы дали мне визитку, добавив: «Если понадобится помощь». Так вот, мне нужна ваша помощь.

Наталья старалась говорить как можно безучастнее, не выдавая своих чувств в отношении собеседника. Это сейчас ни к чему. Это сейчас лишнее. Она вообще старалась выбраться из потока эмоций, который в любой миг готов был подхватить ее, понести и заставить нажать кнопку отбоя. Но она взяла себя в руки, не выдавая себя ни тоном, ни вздохом. Разговор и так предстоял непростой.

Глава 5

В которой генерал Ковалев убеждается в правоте предположений аналитика и без затей сливает своего информатора.

Услышав женский голос в телефонной трубке, Ковалев задумался. Неожиданный звонок из далекого прошлого вызвал у него неясную тревогу. Конечно, встревожила его не Наталья сама по себе, от женщины он угрозы не чувствовал, но звонок мог означать некую угрожающую ситуацию. Впрочем, это надо было еще выяснить. Возможно, просто сработал рефлекс опытного контрразведчика, мобилизующий организм в любой неясной ситуации.

– Чем, по-вашему, я могу вам помочь? – как можно небрежнее поинтересовался Ковалев.

На самом деле любопытство разгорелось в нем, но показывать этого было нельзя.

– В городе чума, – без лишних предисловий сообщила Наталья.

– В каком? – уточнил Ковалев, но тут же осекся.

– В Москве. Форма А20.2, легочная. Передается воздушно-капельным путем. Единственный выявленный заболевший является таксистом. И он, вероятно, уже будучи заразным, отработал полную смену, развез семь человек, которых мы, силами Роспотребнадзора и штаба ТОРС, вряд ли сможем быстро выявить.

– В Штабе ТОРС нет представителей от МВД? – удивился Ковалев.

– Есть. Генерал Головин. Но у нас нет ничего, кроме номеров телефонов, с которых осуществлялись вызовы, и адресов, откуда и куда пассажиры ехали. Есть еще адреса, но вполне вероятно, что они не соответствуют местам жительства, что это могут быть совершенно случайные точки.

– Да, это очень вероятный сценарий, – согласился Ковалев, думая, впрочем, несколько о другом.

Он понял, что звонок не просто так его встревожил и что рефлекс контрразведчика тоже не подвел. Чума! Вот главное слово, услышанное от Натальи. Чума! Это полностью совпадало с предположением Пичугина. Экий же он фрукт! На пустом месте фактически попадает в десятку. И не первый раз. Аналитик от бога, чего уж тут говорить.

– Чего вы от меня хотите? – напрямую спросил Ковалев.

– Я думаю, что у сотрудника ФСБ вашего ранга есть собственный административный ресурс, который поможет выявить зараженных и предотвратить распространение особо опасной инфекции в Москве.

– То есть генерал Головин, по-вашему, справится хуже меня?

Наталья едва сдерживалась.

– Простите, я не для того позвонила, чтобы играть с вами в психологические игры. Вы прекрасно понимаете, что справитесь лучше Головина. Хотя бы потому, что Головин, к примеру, не сможет приказать оператору связи провести триангуляцию номеров без постановления прокурора, а у вас наверняка есть механизмы...

«Подстава, – подумал Ковалев. – Кто-то подослал эту тетку, чтобы дернуть меня за усы. Но грубо, очень грубо. Идиотом надо быть, чтобы повестись на такое».

– Я могу вам дать телефон дежурного по управлению ФСБ, обратитесь к нему в установленном порядке... – предложил он.

– Это займет столько же времени, сколько получение постановления прокурора. А времени у нас нет. Врачи есть. Техника есть. Карантинные помещения есть. А времени нет. И если мы его упустим, то всего, перечисленного выше, нам просто не хватит.

«А может, и не подстава, – продолжал взвешивать Ковалев. – Бражников болен. Пичугин, исходя из опыта и с присущей ему, шельмецу, наблюдательностью, говорит слово «чума». Тут

звонит эта дама и произносит то же самое слово. Да и слишком грубо для подставы. Очень грубо. Если бы кто-то из своих или чужих хотел бы меня взять за яйца, он бы нашел более изящные методы. Нет, для подставы невероятно. Куда проще предположить, что перепуганная тетка из штаба ТОРС вспомнила о фээсбэшнике, с которым когда-то пересекалась, нашла визитку и набрала телефон».

– Хорошо. Я попробую помочь. Вы мне скиньте, пожалуйста, данные этого таксиста по СМС. А я вам еще пришлю человека. Аналитика. Думаю, он окажется вам полезен на месте, если вы снабдите его всеми нужными вам полномочиями. Только скиньте для него адрес, куда подъехать. Действуете в режиме секретности?

– Естественно. Если начнется паника, народ попытается выехать из Москвы и разнесет заразу. К тому же... Я не исключаю, что это теракт.

– Ого! Исходя из чего такое предположение?

– Вероятность возникновения именно легочной формы весьма низкая. Тем более в Москве. Для заражения необходимо вдохнуть аэрозоль, содержащий чумную палочку. На заседании штаба ТОРС я выдвинула предположение, что некто мог распылить заранее заготовленный аэрозоль в салоне такси, чем вызвать заражение водителя. Но не водитель мог быть целью. Но эту мою версию всерьез никто не поддержал, посчитали надуманной.

– Я понял. Вы еще поэтому не стали обращаться по инстанциям?

– Да.

«Вот же гад... – подумала Наталья. – Осторожный, хитрый, как змея. Боится. Ну, это неудивительно. Зная его, можно предположить, что рыльце у него в пушку».

– Хорошо, так и договоримся, – Ковалев произнес это таким тоном, что собирается завершить разговор. – Вы мне данные таксиста и номера телефонов его пассажиров. Я вам посилю помощь и своего человека. Будет что-то, я вам сам позвоню.

Он повесил трубку и глянул на Пичугина.

– Вы обо мне говорили? – спросил тот.

– Думаешь, у меня больше нет аналитиков?

– Ну...

– Есть. Но ты из лучших. И говорил я о тебе. А теперь, дорогой мой, держись за стул. Твое предположение оказалось верным. В городе действительно чума. Легочная форма. И нам предстоит узнать, случайное это совпадение или чей-то злой умысел. Мне теперь надо понять, каким образом, где и когда заразился Бражников. Хотя одно предположение у меня есть. Весьма нехорошее. Но его я сам проверю. А тебе, дорогой мой, надо прибыть в штаб ТОРС, отыскать там Наталью Евдокимову и сообщить, что прибыл от меня. Заодно передашь ей то, что она просила.

– Хорошо, и что дальше?

– Цепь заражения выявлять, что же еще? Нужно понять, какое место в этой цепи занимает Бражников. Ясно? Действуем пока неофициально, так что ксивой внештатника особо не размахивай без крайней необходимости. Если что, звони. Точнее, звони при получении любой новой информации.

– О Бражникове им сообщать?

– С ума сошел? Это секретная информация. Сам Бражников, само его существование – секретная информация. Бункер системы ПВО – тоже секретная информация. «Американка» – секретная информация.

– Но Бражников является частью цепи заражения, ради выявления и купирования которой создан штаб ТОРС, как я понимаю.

– Верно понимаешь. И что это меняет?

– Как что? Они его сами выявят. Но при этом упустят время.

– Смеешься? Почему, думаешь, Наталья мне позвонила? Она не уверена, что они способны размотать этот клубок силами МВД. И она права. Есть среди телефонов заказчиков такси телефон Бражникова или нет его там, я выясню через несколько минут. Если он там есть, это одно дело, и тогда я подумаю, как с этим быть. Но если его нет, или SIM-карта не на его имя, то им его не найти. Тогда я придумаю правдоподобную легенду и сообщу, что один из зараженных находится в ведении военных медиков ввиду секретности. Понял?

– В общих чертах. То есть вы сообщите официальному куратору проекта «Американка», что у Бражникова именно чума, а не «неизвестное биологическое оружие»? Людей эвакуируют и начнут лечить?

– Естественно. Без создания штаба ТОРС мне было бы трудно это доказать. А так получится.

Прописал телефон Ковалева. Он просмотрел СМС с указанными данными Ширяева, временем его смены и телефонами заказчиков.

– Забавно... – произнес он.

– Что забавно?

– Ничего. Я пока буду разбираться, а ты дуй в штаб ТОРС. Запиши адрес. – Ковалев продиктовал адрес из СМС. – Кирилл тебя отвезет до твоей машины, дальше сам. Давай, давай. Чем дальше, тем интереснее каша варится.

Когда аналитик закрыл за собой дверь, Ковалев позвонил Стежневу, отдал все необходимые распоряжения, а сам с ногами развалился на диване. Ситуация сложилась непростая, ее следовало обдумать. Неординарная сама по себе, она могла иметь ряд далеко идущих последствий. И уж раз удалось первым узнать важную информацию, необходимо было оседлать эту волну и уже не отпускать ее. Кто владеет информацией, тот владеет миром. В современных условиях это утверждение приобретало еще более глубокий смысл. Информация перестала быть эфемерной субстанцией, нечаянно или намеренно оброненным словом, перестала быть просто слухами. Она обрела вещественность, порой пугающую. Понятия реального и материального разделились, перестали быть синонимами. И порой трудно было понять, что важнее, косная материя или совершенно нематериальная информация, которой в современном мире можно не только убить, с чем раньше справлялась вполне материальная дубина, но и вершить судьбы мира.

Случайно овладев данными о причине недомогания Бражникова, Ковалев взвешивал, как ими лучше распорядиться. Впрочем, сам он не считал, что получил их случайно. Нет, это стало следствием многолетней бдительности, сосредоточенности, следствием правильного распределения людского и другого административного ресурса. Не прикорми он в свое время того же Пичугина, могло все и не срастись так удачно. И эта Наталья. Тоже тень прошлого. Впрочем, сейчас это не важно. Сейчас главное понять, как поступить здесь и сейчас, не увязая в воспоминаниях и не путаясь в перспективах.

Плохо, что информацию о чуме придется в первую очередь передать генералу Трифонову, официальному куратору проекта «Американка» по линии ФСБ. По большому счету, Ковалев вторгся в его епархию, но с другой стороны, ему было поручено курировать аналитиков, в том числе и Пичугина, собиравшего витающие в информационном пространстве идеи именно по этому направлению. И все равно получалось, что Ковалев сунул нос не совсем в свое дело. Это подозрительно, а генерал не хотел в свой адрес никаких подозрений. Впрочем, тут можно выкрутиться вполне изящно. То, что в бункере произошло ЧП, это информация того уровня секретности, к которому Ковалев допущен. А тут, надо же как удачно, ему позвонила Наталья и рассказала о чуме. Так что Трифонову совсем не обязательно знать, что Ковалев заполучил копию записи с камер в бункере, что имел своих информаторов в группе Бражникова, в воинской части гарнизона и среди аналитиков. Это все теперь запросто можно замылить. Просто сказать, что им, Ковалевым, по его частным каналам получена информация о

заболевании чумой в городе. И просто намекнуть о возможной связи. Ничего больше. И тогда комар носа не подточит. Тогда никто не заподозрит Ковалева в излишнем интересе к «Американке», выходящем за рамки его служебных обязанностей.

«Спасибо тебе, Наташа, – подумал он с легким сарказмом. – Какой черт меня тогда дернул дать тебе визитку? Хотя это был не черт, а мой персональный ангел-хранитель».

Связавшись с генералом Трифоновым, Ковалев сообщил о случае заболевания чумой в Москве и о возможной связи этого факта с состоянием Бражникова. Также он рассказал о штабе ТОРС, созданном при Роспотребнадзоре, мол, если посчитаете нужным, сообщите им для полноты информации.

Положив трубку, генерал снова вывел на экран СМС от Натальи. Кое-что интересное было в этом простеньком сообщении. Но это был не номер Бражникова в списке из семи телефонов. Вряд ли Бражников вызывал такси, ведь у него есть своя машина. Но вот адрес одного из вызовов привлек внимание. Это был адрес на Миклухо-Маклая, всего в двух кварталах от дома, где проживал Бражников. В такие совпадения Ковалев не верил. Но и объяснения этому пока не находил. Было лишь предположение о некоем «человеке Икс», о темной лошадке, которая входила в контакт с полковником и с таксистом. Но кто это мог быть? Бражников вел предельно замкнутый образ жизни. Когда-то, в самом начале работ над «Американкой», за ним даже присматривала наружка, но его благонадежность не оставляла лазейки ни для каких подозрений.

И все же «человек Икс», скорее всего, существовал. Это было самым простым объяснением связи между таксистом Ширяевым и засекреченным полковником. Потому что о прямом контакте Бражникова с бомбилкой вряд ли имело смысл думать. Это возможно, но вероятность такого положения дел в разы меньше, чем вероятность контакта с кем-то из своих. Другое дело, что «своих» у Бражникова, в общем-то, не было. Жена только. На нее есть досье. Неужели она? В принципе, вариант возможный. Его надо продумать и проработать, хотя он и мог вести в никуда.

Куда интереснее было другое предположение. Что, если Бражников все же сливал информацию об «Американке»? Почему нет? Доступ к информации у него абсолютный. Контроль за ним не такой уж высокий. Наружку сняли ввиду благонадежности. Он, как автор идеи, наверняка мог внятно изложить ее на листе бумаги. Или на ста листах, но это не имеет большого значения. А что дальше? Мог он тайно выйти на контакт с ЦРУ? Очень сомнительно. Контроль за ним, может, и не очень, но не настолько. Нет, сам он выйти на контакт с американцами не мог. И снова всплывает гипотетический «человек Икс». Скорее всего, он из близкого окружения Бражникова. Если бы полковник контактировал с кем-то подозрительным или малознакомым, это бы стало известно. Нет, «человек Икс», скорее всего, давний знакомый, вхожий в квартиру Бражникова.

Ковалев понял, что мелькнувшая мысль, показавшаяся в первый момент ничем не подтвержденной гипотезой, ложится во вполне вменяемую, с его точки зрения, логику.

Как могли развиваться события? Некий «человек Икс» оказывается у Бражникова в гостях, не вызывая при этом никаких подозрений. Полковник дает ему задание выйти на связь либо с людьми из посольства, либо напрямую с ЦРУ. Тот выполняет задание, снова оказывается в квартире Бражникова на Миклухо-Маклая, где тот передает ему материалы по методологии расчетов «Американки».

– Скорее всего, «человека Икс» заразили в посольстве или при контакте с агентом ЦРУ, – задумчиво произнес Ковалев.

Цель такого шага вполне понятна. Американцы заражают легочной формой чумы «человека Икс» с пониманием, что тот войдет в контакт с Бражниковым, чтобы забрать у него документы или носитель. Посредник забирает документы, заражает полковника, и, по сути, концы в воду. Бражников, скорее всего, умирает, посредник тоже, заодно заразив огромное число

москвичей. В результате непосредственные свидетели устранены, а ФСБ, МВД и МЧС занято не поисками документов, а устранением угрозы массовой эпидемии. Изначно, сказать нечего... Продуманно, эффективно, вполне по силам американским шпионам-диверсантам.

Версия получилась настолько стройной, что Ковалев тут же принял ее за рабочую. Оставался вопрос, как из этой неловкой ситуации выжать максимум пользы для себя лично? С одной стороны, можно немедленно поднять тревогу по управлению ФСБ. Сослаться на госпожу Евдокимову, мол, информация о форме А20.2 поступила от нее, а дальше, мол, Ковалев, благодаря уму и прозорливости, сложил концы с концами. Но что это даст? Славу? Медальку какую-нибудь. В лучшем случае. А в худшем – это даст лишь признание профессионально выполненного долга.

– Долга, мать его! – вслух выругался Ковалев.

Когда он находился наедине с собой, то не утруждал себя сдерживанием эмоций. А эмоций по поводу выполненного долга в нем накопилось уже достаточно. Большую часть карьеры он изо всех сил старался быть безупречным офицером и относился к службе именно как к долгу перед Родиной. Но в девяностые многое изменилось. До Ковалева начало доходить, что его просто имеют как хотят. Там, наверху, без зазрения совести проворачивают дела, завладевают заводами, газетами, пароходами, оставляя верным служакам Отчизны только дешевые побрякушки и строчки благодарности в засекреченных приказах. И тогда, пятнадцать лет назад, Ковалев впервые решил перейти черту.

Он тогда словно переродился, словно претерпел не заметную никому мутацию личности. И с точки зрения этой личности все выглядело совсем иначе, чем прежде. Он понял, что Родина превратилась в товар, которым на протяжении девяностых годов торговали все, у кого дотягивались руки хоть до какого-то добра. Честь, совесть превратились в рудименты и атавизмы. У Родины, которой Ковалев некогда дорожил, появились хозяева, и они делали с ней и народом все, что хотят, продавая врагу ее оборонный потенциал за шоколадки и право именовать партнерами. Это было настолько постыдно, что генерал тогда готов был на эвтаназию, на милосердное и безболезненное умерщвление Родины, чтобы она не мучилась больше и не билась в позорных конвульсиях. Впрочем, на это у него не хватало ни сил, ни возможностей. И, претерпев не менее позорную неудачу, чем та, которая произошла со страной, деградировав вместе с ней и со всем народом, Ковалев решился на использование служебного положения в корыстных целях. А почему бы и нет? Все в дамках, а он, отдавший общему делу столько сил и времени, должен довольствоваться объедками со стола «хозяев Родины»?

Пятнадцать лет назад ему в руки попали ценные данные, он разработал отличный план, который провалился лишь из-за цепи нелепых случайностей. Но это коренным образом изменило Ковалева. И хотя все удалось утаить, а самому выйти сухим из воды, он уже не мог влезть в прежнюю шкуру, как не может влезть в старую кожу змея, единожды сбросив ее. И когда Родина вновь, несмотря на невзгоды, начала уверенно подниматься с колен, когда бывшие «хозяева» побежали за границу, под теплое крылышко «западных партнеров», когда страна оказалась в сильных руках, когда ее жители вспомнили понятие чести, самим Ковалевым эта честь уже была в полной мере утрачена. И пути назад не было. Потерпев фиаско, генерал затаился.

И вот сейчас, сложив в голове факты, Ковалев призадумался. Он понял, что за медальки и благодарности усердствовать больше не в силах. Все. Точка перелома была пройдена. И теперь, он прекрасно отдавал себе в этом отчет, он думал не как спасти ситуацию, а как использовать ее для банальной наживы.

Но как это возможно? На поверхности лежал только один путь – рассказать о своих догадках вышестоящему начальству. Но что это даст? Ту же благодарность в секретном приказе, и ничего больше.

Ковалев сходил на кухню, включил электрический чайник и заварил себе крепкого чаю, разбавив потом кипяток пополам с водой. Он не любил пить чай горячим. Особенно в жару.

Время работало против него. Ситуация с распространением инфекции наверняка развивалась, и развивалась стремительно. Пройдет час, два, максимум три, когда все вылезет наружу. И тогда Ковалеву придется прикладывать усилия не для извлечения выгоды, а чтобы уцелеть, вскочить, что называется, на подножку уходящего поезда. Надо было найти способ использовать обстоятельства.

В голове тут же возникла мысль о шантаже. Если документы по «Американке» уже в руках агентов ЦРУ, то на этом можно сыграть. Можно выйти с ними на связь и заявить, что есть все доказательства их причастности не только к хищению секретных данных, но и к применению бактериологического оружия в Москве. А дальше проще – пусть эвакуируют, предоставляют убежище в обмен на молчание.

Впрочем, это очень скользкая дорожка. При содействии единомышленников на такую рискованную игру еще можно было бы решиться, но в одиночку слишком опасно. Самый простой способ заткнуть человеку рот – это убить его, а не сунуть ему в рот сытный кусок. Хорошо... Есть Кирилл Стежнев. Он моралью не слишком отягощен, за хороший куш пойдет на что угодно. Но какие есть еще варианты?

– Стоп! – сказал он вслух сам себе. – А обломок, сошедший с орбиты?

Это было проблемой. Проблемой, да еще какой! Если обломок протаранит американский спутник-шпион, любой баллистик сообразит, в чем причина. Секретность проекта будет утеряна, и данные о нем обесценятся многократно.

Впрочем, никто этого наверняка не допустит. С Бражниковым или без него найдут способ изменить орбиту обломка на безопасную. Надо только найти канал информации, по которому можно будет держать в этом плане руку на пульсе. Ибо, если что-то не срастется, надо быть в курсе, чтобы с разбегу не сесть в лужу. Надо отыскать контакт в евпаторийском 40-м Отдельном командно-измерительном комплексе. Там в курсе всех движений орбитальной группировки, а потому будут знать о любых решениях по ликвидации последствий ошибки Бражникова. Для установления такого контакта надо напрямь Стежнева, чтобы тот пошевелил агентуру на месте. Не может быть, чтобы на таком масштабном объекте не нашлось чьих-то внештатников или кураторов из местного управления. Это вопрос чисто технического характера, но тянуть с ним нельзя.

Куда менее очевидным был тот факт, что сошедший с безопасной орбиты обломок космического мусора представлял проблему не только для проекта Бражникова, нанося вред его секретности, и, фактически, обесценивая его. Он представлял проблему и для американцев. И дело было вовсе не в спутнике-шпионе, который в скором времени превратится в плазму от соударения. Спутник – капля в море. Мелочь.

Куда большее значение имела информация, которую Бражников, в теории, хочет слить американцам, а может быть, уже слил. Если обломок ударит в спутник, секретности конец, информация обесценится, и сами американцы не смогут извлечь из нее никакой выгоды! Они будут знать, что замышляют русские, а русские будут знать, что их разработка стала достоянием гласности. И все. Документация по «Американке», за которую уже немало заплачено и которая военно-промышленному комплексу США может принести десятки миллиардов долларов, превратится в дым.

– Ха! – Ковалев щелкнул пальцами.

Для него это был редкий жест, говоривший о разрядке крайнего эмоционального напряжения. Он понял, как извлечь выгоду из ситуации. Но для этого надо было пойти на отчаянный риск. Пробраться в бункер и хорошенько поискать кое-что. Бражников ведь умница. Когда ему отключили лазер, лишив его возможности исправить собственную ошибку, он наверняка все же придумал, как ее исправить. Только в виде набора данных, возможно, в виде инструкции,

которую необходимо привести в действие, когда лазер снова подключат к системам управления.

Думать о вторжении в зараженный чумой бункер было неприятно. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского. Нужен ОЗК и изолирующий противогаз. Такой комплект вполне заменит противочумный костюм, а достать ОЗК не в пример проще. Второе, что нужно, – эвакуировать бункер. Теперь это стало в интересах Ковалева. Пока в бункере Бражников и заболевшая смена, туда не попасть. Но если их эвакуировать, бункер подвергнется дезинфекции, и под эту лавочку, прикрывшись удостоверением и должностью, вполне можно будет попасть внутрь.

А потом... Потом дело техники. Выйти через Стежнева на связь с ЦРУ, выставить им условия, а когда они согласятся, исполнить инструкцию Бражникова, стабилизировать несчастный обломок и восстановить все как было.

Продышавшись, чтобы адреналиновый шторм окончательно улегся в крови, Ковалев взял телефон и набрал номер генерала Трифонова.

Легенду для разговора нечего было и выдумывать. Наталья Евдокимова, так вовремя позвонившая из Роспотребнадзора, дала ему нерушимое оправдание избыточного знания ситуации. Он теперь на гребне волны. Надо лишь сосредоточиться, собраться с силами, чтобы с этого гребня не соскользнуть.

К примеру, надо придумать, откуда самому Ковалеву известно о ситуации с бункером. Эта информация вне его официальной компетенции, а никто не любит, когда суют нос не в свои дела. Впрочем, чего мудрить? На Ковалеве лежал мониторинг информации вокруг «Американки», значит, ничего странного в наличии у него собственных информаторов в гарнизоне быть не могло. Можно кого-то слить. Ну, например, капитана Витухина. Придурок редкий, и толку от него мало. Сообщил, что бункер блокировали, все, свою функцию выполнил. Можно сливать.

Наконец Ковалев решительно коснулся иконки вызова на экране смартфона. Переговорив с Трифоновым, он сообщил о звонке Натальи и о подозрении на чуму у Бражникова.

– Надо эвакуировать бункер, – уверенно заявил Ковалев. – Всех поместить в карантин. И если Бражников в сознании, надо выяснить, где он подхватил чуму. Это может быть крайне важной информацией.

– Слив подозреваешь? – напрямую спросил куратор.

– А как без того? Фигура уровня Бражникова подхватывает легочную форму чумы. И не где-то на Алтае, а в Москве. Случайность?

– Да, как версию стоит принять.

– Именно так.

– Ладно, спасибо за информацию, – поблагодарил Трифонов.

– Сочтемся, – усмехнувшись, ответил Ковалев и коснулся иконки отбоя.

Разговор прошел хорошо. Без сучка, без задоринки. Замечательно. А то, что Витухина пришлось слить, – невелика потеря.

«Конечно, его теперь возьмут на карандаш как моего агента, – безразлично подумал Ковалев. – Но для меня, если повезет, это скоро не будет иметь никакого значения. Впрочем, если не повезет, тоже».

Он набрал Стежнева и спросил, отвез ли он Пичугина.

– Как раз прибыли на парковку, – сообщил Кирилл. – Что-то надо?

– Да, нужна машина.

– С водителем?

– Эээ... – Ковалев задумался. – Нет, без водилы.

– Хорошо. Высажу Пичугина, отпущу водителя и пригоню вам машину.

– Так. Погоди. – Ковалев потер лоб, на ходу обдумывая рождающийся в голове план. – Давай так сделаем. Ты высаживай Пичугина, отпуская водилу, а потом, уже сам, заскочи в

какую-нибудь военную часть и возьми у них, под мою ответственность, комплект ОЗК с изолирующим противогазом. И дуй ко мне, я на квартире. Я у тебя заберу машину, а тебе дам другое задание. Важное.

– Понял, скоро буду, – ответил Кирилл.

Глава 6

В которой москвичи начинают ощущать неясную тревогу, по городу ползут противоречивые слухи, но до паники еще далеко.

Меньше чем через час после начала совещания в штабе ТОРС в Москве начало ощущаться беспокойство. Мало кто из прохожих, измученных жарой, способен был внятно описать, что именно тревожного происходило, но многие на подсознательном уровне почувствовали неладное. То ли чаще стали завывать полицейские сирены на улицах, то ли больше фургонов «Скорой помощи» проносилось по выделенным полосам движения, то ли вертолеты начали время от времени появляться в небе, то ли все вместе так действовало на психику... Но состояние окружающего пространства было как перед бурей. Или перед войной, о которой еще никто не знает. Или как перед крупной аварией.

Лидия Семеновна Мирошник перебралась с дочерью в Москву из Евпатории сразу после возвращения Крыма в Россию и уже вполне привыкла к большому городу, но в этот день она невольно вспомнила такую же тревогу, испытанную в начале мая тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Тогда тоже непонятно что изменилось – то ли тише стало на улицах, то ли чаще стали поливать дороги из машин с цистернами, то ли что-то изменилось в самом окружающем воздухе. А потом поползли слухи. Лишь через несколько дней официально сообщили об аварии в Чернобыле.

Двигаясь от остановки «Стадион» по улице Софьи Ковалевской к своему дому, Лидия Семеновна обратила внимание на машину «Скорой помощи», промчавшуюся навстречу, в сторону 81-й больницы. Ей показалось, что она увидела что-то странное через боковое окно, словно человек, сидящий рядом с водителем, держал в руках нечто вроде большого шлема, или пакета со стеклом в боковой поверхности. Тревога усилилась, хотя Лидия Семеновна не была уверена, померещилось ли это от нехорошего воспоминания, или же действительно мелькнул необычный предмет. Уж очень он был похож на деталь противорадиационного защитного костюма. Слишком рифмовалось с мыслями о Чернобыле, чтобы быть правдой.

Убедив себя, что для волнений нет повода, Лидия Семеновна свернула во двор и вскоре отворила дверь своей квартиры на третьем этаже. Внутри было пусто, как может быть пусто в жилище одинокой пятидесятилетней женщины. Нет, мебель была на месте, и одежда на вешалке в прихожей, и обои вполне приличные, и холодильник, и еда в нем, и даже стиральная машина, без которой трудно приходилось в Евпатории. Но не было в уютной однушке, которую удалось выменять на советскую квартиру у моря, ни любви, ни надежды. Переезд ради дочери обернулся ничем. И обратно уже не вернуться.

Отогнав эти мысли, которые всегда посещали при возвращении в квартиру, Лидия Семеновна переделалась в домашний халат и принялась за обычные свои незатейливые домашние дела. Но через полчаса раздался настойчивый, длинный, неприятный звук дверного звонка. Лидия Семеновна вздрогнула. Она никого не ждала, да и друзья не звонят так протяжно. Сердце застучало на повышенных оборотах, Лидия Семеновна, шаркая тапочками по паркету, поспешила к двери.

– Кто там? – спросила она, прильнув к окуляру глазка.

– Это ваш участковый. Только не открывайте, пожалуйста, дверь!

За дверью действительно стоял мужчина в полицейской форме с капитанскими погонами, а рядом с ним парень помоложе, в халате, какие раньше были у врачей поликлиники и «Скорой помощи».

«Что такое творится? – встревоженно подумала Лидия Семеновна. – Недаром, видать, вспомнила про Чернобыль».

- Почему же дверь не открывать? – напрямую спросила она. – Милиция же.
- Полиция, – поправил ее участковый. – Вы вчера вызывали такси?
- Да что вы! – Лидия Семеновна невольно прыснула смехом. – Откуда у меня деньги на такси? Да и куда мне ездить? Прибираюсь тут, по случаю, на стадионе... Как раз закончила...
- Это мы выяснили, – прервал ее участковый. – Я спрашиваю про такси.
- Меня в чем-то подозревают?
- Нет.

Лидия Семеновна через глазок заметила, что парень во врачебном халате что-то шепнул на ухо полицейскому. Тот покачал головой.

– Мы расследуем происшествие с таксистом, – сообщил участковый. – И хотели бы переговорить со всеми пассажирами, которых он вчера возил. Возможно, вы заметили что-то странное в его поведении?

- Он что, кого-то убил? – заинтересовалась Лидия Семеновна.
- Нет, это дело о драке, – соврал полицейский, выполняя инструкцию о максимальных усилиях по неразглашению сути проводимой операции.

– А чего же тогда дверь не открывать? – хитро сощурившись и упиваясь собственной проницательностью, спросила Лидия Семеновна. – Говорите, что случилось?

- У нас приказ о неразглашении.
- Что на этот раз взорвалось? – помогла она полицейскому. – Завод с химией? Или террористы бактерий по городу раскидали? Хотите что-то узнать, говорите честно! А то взяли моду...

Полицейский поморщился.

- В городе выявлен очаг атипичной пневмонии, – нехотя выдал он.
- Это птичий грипп, что ли?
- Что-то вроде того. Атипичная пневмония с тяжелой формой протекания, – вклинился в разговор парень во врачебном халате. – Если вы заразились от таксиста, вашей жизни угрожает опасность.

– Понятно, – Лидия Семеновна решила, что выведала достаточно информации. – Нет, я на такси не езжу, с самого начала же сказала.

- Машину вызвали с вашего номера.
- С какого такого моего? Что еще за номер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.